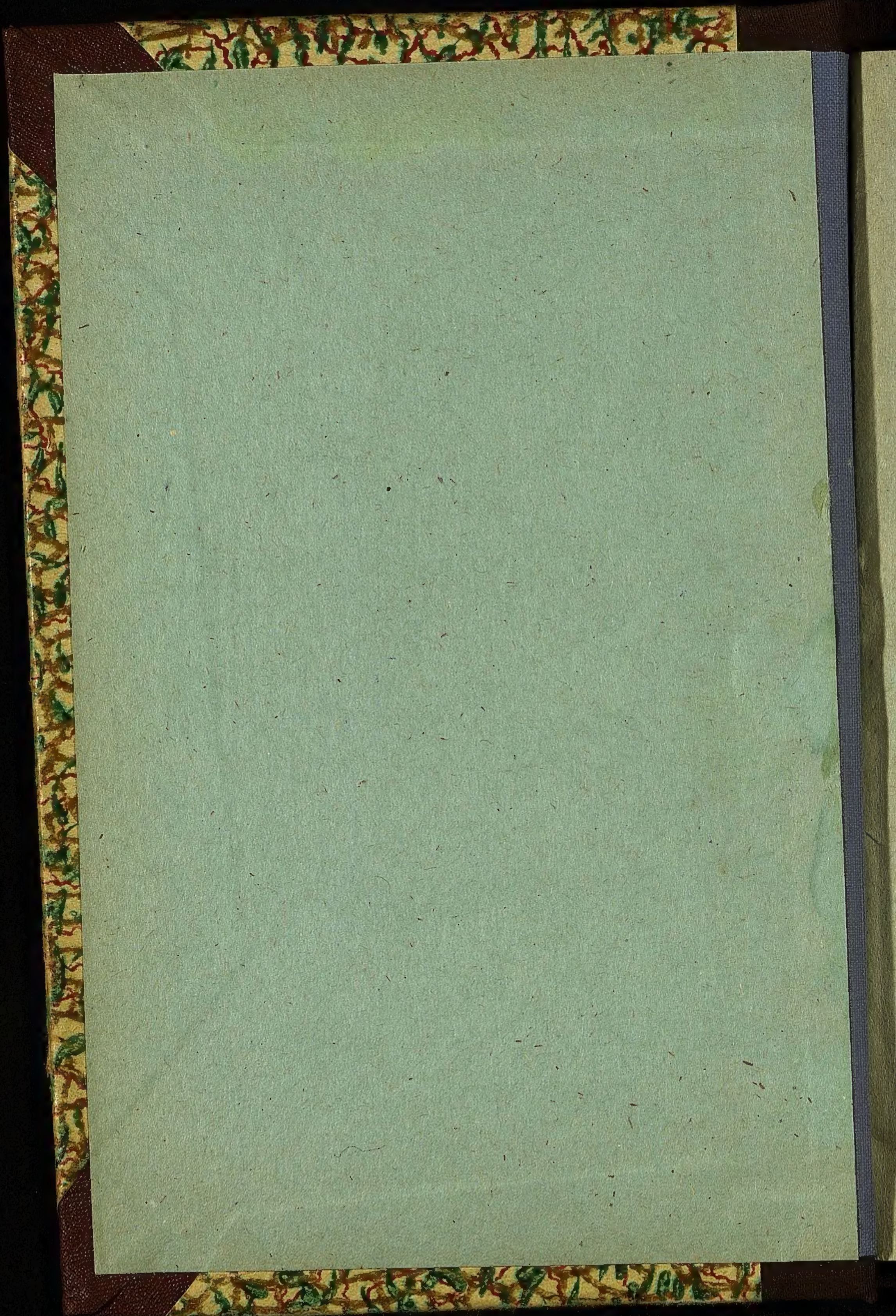
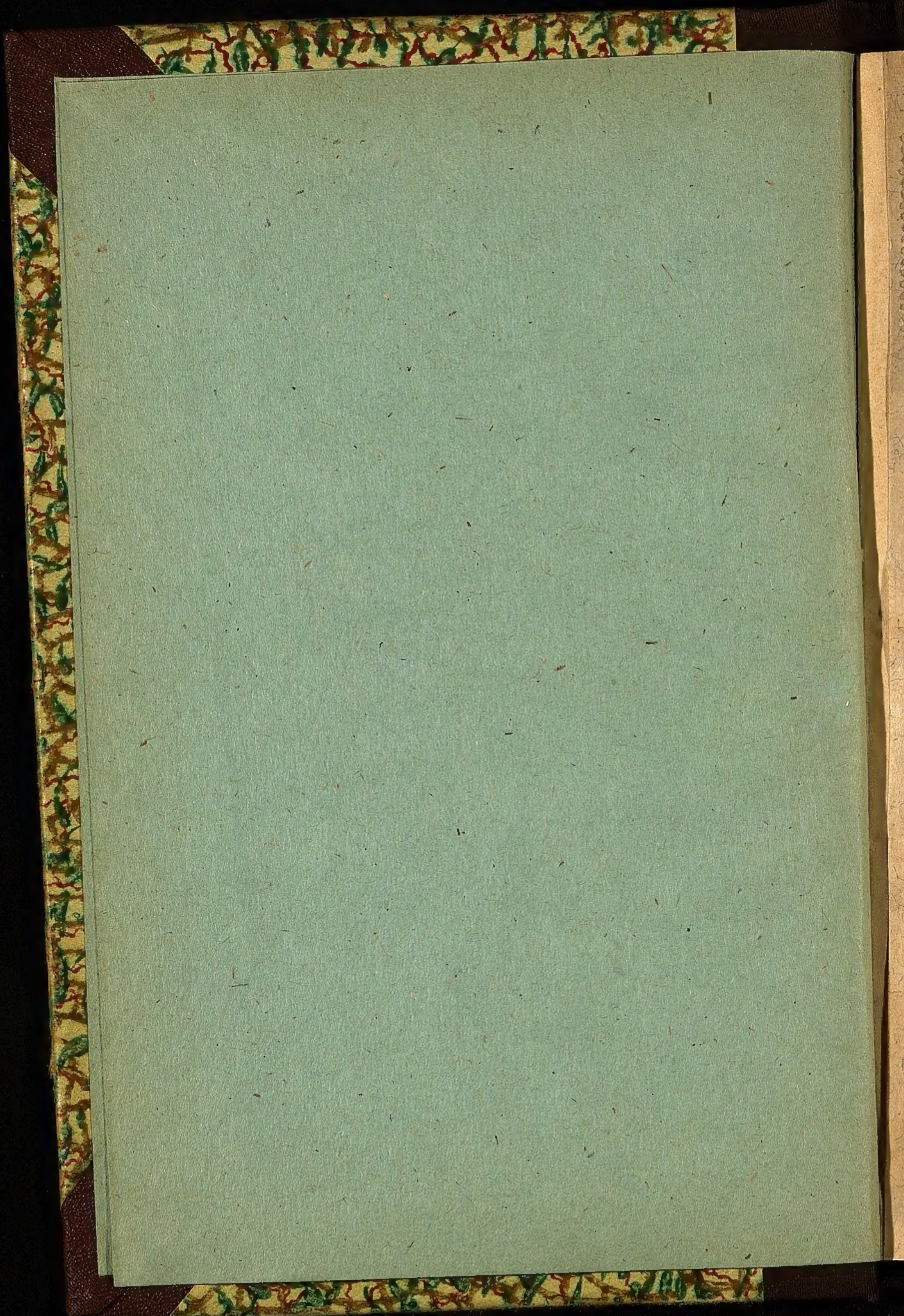

И. Бодуэн-де-Куртенэ

НАЦІОНАЛЬНЫЙ и ТЕРРИТОРІАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК В АВТОНОМІИ

Посвящается всѣмъ «патріотам»

С.-ПЕТЕРБУРГ
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28
1913

Того же автора:

W «kwestji żydowskiej». Warszawa. 1913.—30 коп.

Wychowanie współczesne jako stała przyczyna zdenerwowania. Warszawa. 1912.—45 коп.

O panu Andrzeju Niemojewskim słów kilka. Kraków. 1912 (odb. z «Krytyki»).—15 коп.

Z powodu zamachu na Stołypina. Kraków. 1911 (odb. z «Krytyki»).—15 коп.

W sprawie «antysemityzmu postępowego». Kraków. 1911 (odb. z «Krytyki»).—40 коп.

W sprawie porozumienia się ludów słowiańskich. Warszawa. 1908.—30 коп.

Zur Kritik der künstlichen Weltsprachen. Leipzig. 1908.

Проектъ основныхъ положеній для рѣшенія польскаго вопроса. С.-Петербургъ. 1906.—10 коп.

Autonomja Polski. Kraków. 1907.—40 коп.

Ze zjazdu autonomistów czyli przedstawicieli narodowości nierosyjskich. Kraków. 1906 (odb. z «Krytyki»).—30 коп.

Kwestja polska w Rosji w związku z innemi kwestjami kresowemi i «innoplemiennemi». Kraków. 1905 (odb. ze «Świata Słowiańskiego»).—15 коп.

Krzewiciele zdziczenia. Kraków. 1905.—50 коп.

Kwestja alfabetu litewskiego w państwie rosyjskiem i jej rozwiązanie. Kraków. 1904.—20 коп.

(См. 3 стран.)

И. Бодуэн-де-Куртенэ

НАЦІОНАЛЬНЫЙ И ТЕРРИТОРІАЛЬНЫЙ

ПРИЗНАК

В АВТОНОМІИ

Посвящается всѣмъ «патріотамъ»

С.-ПЕТЕРБУРГ
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28
1913

4503

Вводное слово.

Статья эта была написана мною в началѣ 1907 г. по желанію редакціи затѣвавшагося в Москвѣ, но, к сожалѣнію, не осуществившагося «Сборника автономистов». Этот сборник постигла та же участь, что и много других подобнаго рода литературных и общественных предпріятій. Это было как раз время быстраго упадка черезчур приподнятаго, заносчиваго и пропитаннаго фантастическими мечтами настроенія. Пораженіе за пораженіем, разочарованіе за разочарованіем.

Теперь мы отодвинулись не только до точки замерзанія, но даже значительно ниже ея. Разсуждать не только об «автономіи», но даже о самом скромном самоуправленіи кажется крайнею наивностью, если не просто нелѣпостью. Нынѣшніе законодатели и правители Россіи хотѣли бы уничтожить малѣйшіе

слѣды мѣстной самобытности, оригинальности и индивидуальности, и вмѣстѣ с тѣм сдѣлать невозможными всякія попытки общественной дѣятельности, всякія поползновенія на выход из состоянія безсмысленнаго стада, руководствующагося единственно эгоистическими побужденіями шкурнаго характера и страхом перед палкою и кнутом пастуха. Сильный индивид и сознательная общественность переведены окончательно в разряд строго наказуемых государственных преступленій.

В виду этого я смотрю на предлагаемую здѣсь статью не как на нѣчто связанное с дѣйствительностью и могущее вызвать хотя бы самый скромный отклик в практической жизни, а только как на печальное напоминаніе о том, как жестоко я заблуждался..., впрочем, не я один.

Считая свою статью человѣческим документом давно минувших дней, я почти ничего в ней не измѣнил и печатаю ее в ея первоначальном видѣ.

Май 1910 г.

Это «вводное слово» было написано мною три года тому назад, когда я намѣревался помѣстить свою статью в одном из распростра-

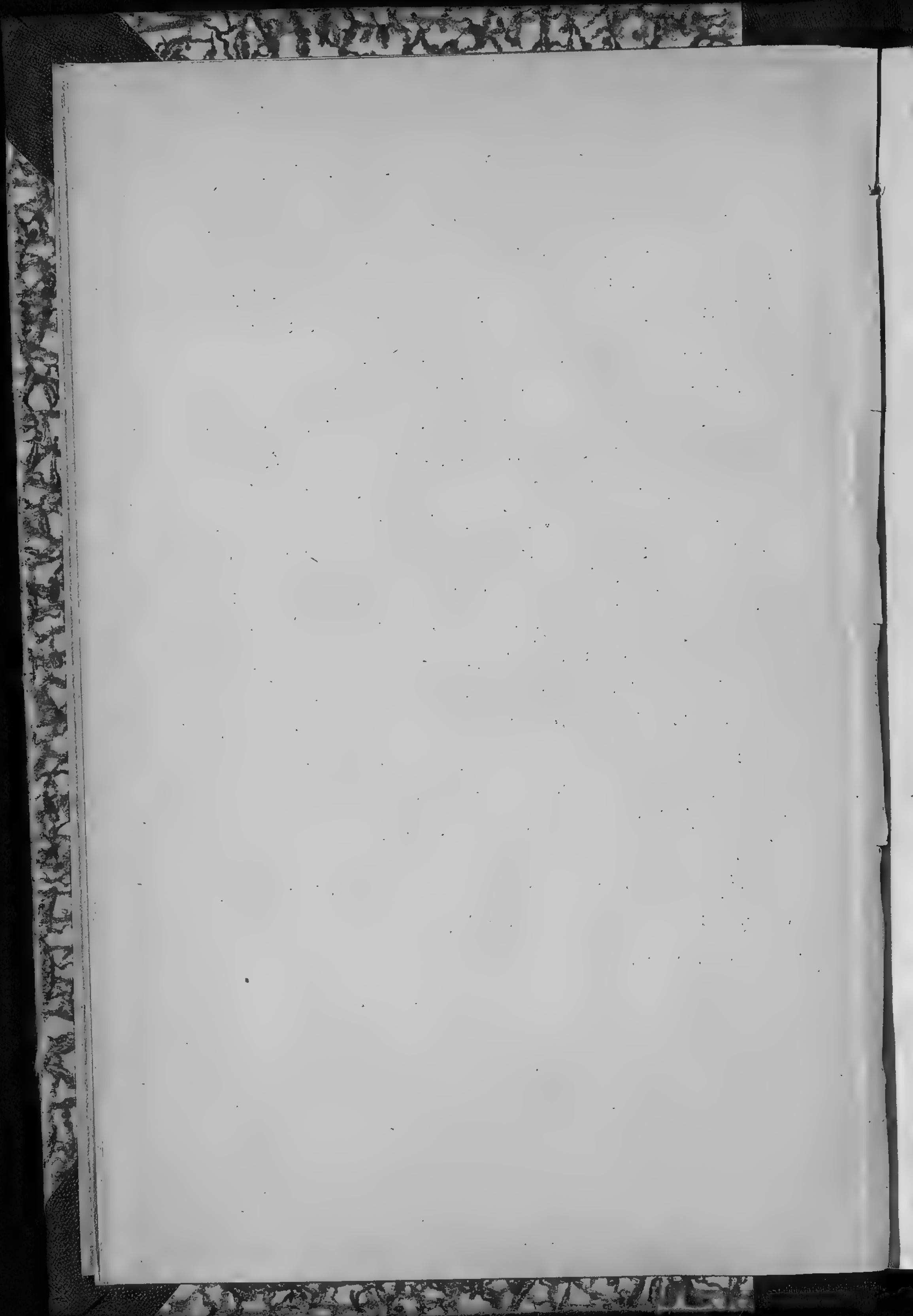
ненных журналов. Редакція соглашалась, но, в виду большого объема статьи, требовала ея сокращенія. Разныя другія работы помѣшали мнѣ заняться сейчас же этим дѣлом, а потом я почти забыл про свою статью.

Мнѣ кажется, что именно теперь она стала как будто болѣе актуальной, конечно, в чисто теоретическом смыслѣ. Вѣдь как раз теперь воплощаются в жизнь разные стремленія и лозунги в направленіи прямо противоположном излагаемым мною принципам. Вѣдь на наших глазах отдѣляется от Царства Польскаго «многострадальная Холмщина»! Вѣдь «польскіе» «патріоты» разнообразных оттѣнков провозгласили крестовый поход против «евреев». Наконец, на днях польское коло в Государственной Думѣ праздновало открыто «разлуку без печали» с неблагонамѣренной оппозиціей и союз с торжествующею реакціей.

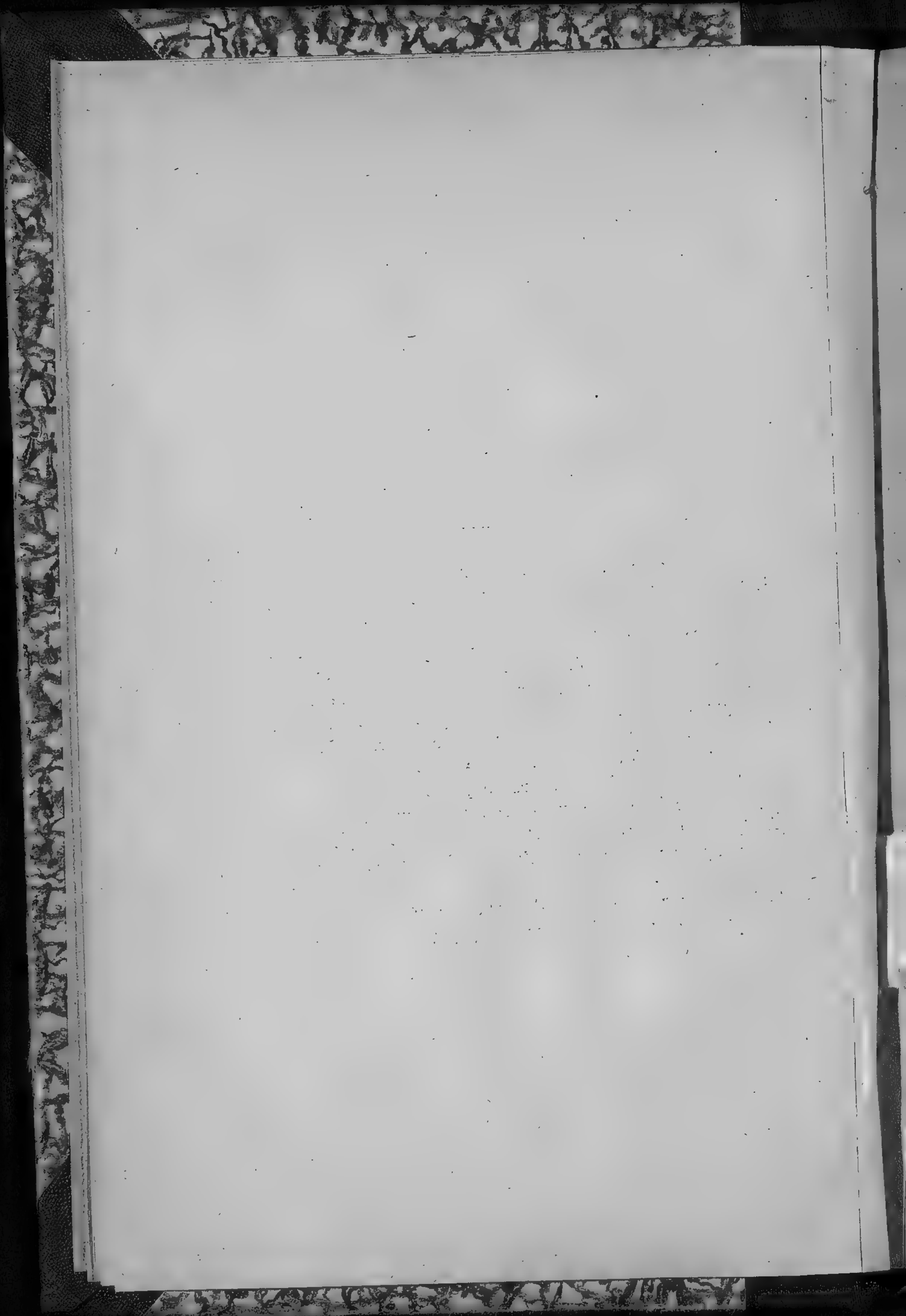
Пусть же всѣ эти благородные порывы получат тѣневое освѣщеніе.

Іюнь 1913 г.

И. Б.-де-К.

Оглавленіе.

1. Установленіе общей точки зрѣнія.

К вопросу об автономіи и о свойственных ей признаках можно относиться двояким образом: или строго научно, так сказать, академически, или же в примѣненіи к задачам практической политики даннаго историческаго момента.

И в том и в другом случаѣ я лично являюсь только дилеттантом. Научным дисциплинам, составляющим мою спеціальность, чужды вопросы государственнаго и общественнаго устройства; от практической же политики я был всегда далек, и только в послѣднее время, когда дѣло спасенія страны потребовало как-будто участія даже сѣрой массы ополченцев старѣйшаго призыва, властная волна общественнаго движенія захватила тоже и меня.

Во всяком случаѣ на излагаемое здѣсь мною прошу смотрѣть не как на авторитет-

ное мнѣніе спеціалиста, вооружоннаго и всесторонним знаніем литературы предмета и продолжительным самостоятельным проникновеніем в глубь изслѣдуемых вопросов, а только как на скромный голос, раздающійся из обывательской среды.

В свое оправданіе я могу сослаться на вскружившее всѣм голову требованіе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов. К сожалѣнію, послѣднее условіе неисполнимо: свой голос я подаю не тайно, а явно.

* * *

Для восприня̆тія каких бы то ни было идей необходима добрая воля и соотвѣтственная подготовка умственной почвы. Кто просто не хочет слышать об этих идеях, относясь к ним a priori отрицательно, с фанатическим нетерпѣніем и презрѣніем, в чьей головѣ нѣт предварительной подготовки и логическаго настроенія, или же кто стоит на принципіально другой точкѣ зрѣнія, к тому не сто̀ит обращаться. Всякая попытка убѣждать таких людей окажется гласом вопіющаго в пустынѣ.

Так вот и я в данном случаѣ разсчитываю только на людей, болѣе или менѣе близких мнѣ в умственном отношеніи и придержи-

вающихся тѣх же общих принципов. Я обращаюсь к читателю не с переубѣжденіем, даже не с убѣжденіем, а просто только с разъясненіем.

Я пишу не для тѣх, кто отдѣлывается весьма удобною поговоркой «моя хата с краю, ничого не знаю», а только для тѣх, кто считает гражданским долгом так или иначе относиться к общественным дѣлам.

Я пишу не для тѣх, кто руководствуется только своекорыстными соображеніями и первобытным эгоизмом одной из голов человѣческаго стада, а только для развитых индивидов, признающих общественную солидарность и руководствующихся соображеніями блага страны.

Я пишу не для тѣх, кто всецѣло поддается междуплеменному, междунаціональному и междувѣроисповѣдному импрессіонизму и не может преодолѣть привитого ему отвращенія к другим людям, а только для тѣх, у кого, может быть, и сохранились ещо остатки отвращеній и предразсудков, но кто все таки съумѣл их подавить и кто в практической жизни повинуется общим принципам, а не преходящим впечатлѣніям.

Я пишу не для тѣх, кто убѣжден в непре-

мѣнном превосходствѣ извѣстнаго, своего или чужого, племени, своего или чужого класса, и в его правѣ господствовать над другими, а для тѣх, кто, хотя и видит преходящее превосходство извѣстнаго племени или извѣстнаго класса общества, не дѣлает его однакож исходною точкой для заключеній о правѣ на вѣчное господство.

Я пишу не для тѣх, кто допускает возможность привилегій и преимуществ, присваиваемых извѣстным лицам за одно их происхожденіе, а для тѣх, кто признает одни лиш личныя заслуги и личныя преимущества.

Я пишу не для тѣх, кто мирится с рабством, а для тѣх, кто, ставя выше всего человѣческое достоинство, отвергает рабство в какой бы то ни было формѣ.

Я пишу не для тѣх, кто признает право одних навязывать другим національную или же вѣроисповѣдную мѣтку, а только для тѣх, кто стоит за безусловное самоопредѣленіе в этой области.

Наконец, я пишу не для тѣх, кто раздѣляет населеніе страны на хозяев, имѣющих право командовать, и на гостей, обязанных повиноваться командѣ, а только для тѣх, кто никакого командованія не признает, а всѣх

жителей страны считает в одинаковой мѣрѣ и хозяевами и гостями. Всѣ хозяева до тѣх пор, пока они живы. Всѣ вмѣстѣ с тѣм гости, так как их хозяйничанье преходяще и кончается со смертью.

Этими положеніями я и опредѣляю свою общую точку зрѣнія при разсмотрѣніи даннаго вопроса.

Ни разу я не упомянул при этом о любви к ближнему или к кому бы то ни было. Мало того, всякія ссылки на «любовь», на «любовь к ближнему», на «любовь к землякам», на «любовь к единоплеменникам» (например, на «любовь» русских ко всѣм славянам), на «любовь к единовѣрцам» и т. д. я считаю просто ложью и лицемѣріем.

Как осуществляется в наше время «любовь к ближнему», можно узнать, между прочим, из разоблаченій кн. Урусова, г. Лопухина и жандармскаго ротмистра Пѣтухова. Кое-что интересное по этому вопросу могли бы сообщить отец Іоанн Кронштадтскій и монахи Почаевской лавры. Современные нам глашатаи «любви к ближнему» и других т. п. возвышенных чувств воплощают их в погромы, в карательныя экспедиціи, в военно-полевые и просто военные суды и во всяческія взаимо-

истребленія. О практикуемой в наше время «любви к ближнему» повѣдают громогласно бомбы и висѣлицы.

Лживую и лицемѣрную «любовь» я замѣняю основанным на логическом мышленіи чувством справедливости. Это чувство справедливости дѣйствует иногда вполнѣ безсознательно, но вообще дѣйствует гораздо чаще, чѣм мы обыкновенно предполагаем.

У кого же нѣт чувства справедливости, тот пусть по крайней мѣрѣ руководствуется соображеніями утилитаризма в высшем стилѣ, т.-е. соображеніями общественной пользы. Конечно, это должен быть не утилитаризм бюрократов, обогащающихся на счот голодных крестьян, но утилитаризм альтруистическій, утилитаризм с точки зрѣнія блага родной страны, родной области, родной мѣстности.

В поясненіе возьмем конкретный примѣр.

Положим, что тот или другой «патріот» ненавидит евреев и считает их презрѣнным племенем, препятствующим его нраву. Сообразно с этим, наш «патріот» должен стремиться выселить евреев из Россіи или вообще устранить их путем простого истребленія. К сожалѣнію, это недостижимо, хотя бы потому,

что подобному рѣшенію покончить раз навсегда с поганым «жидовьем» помѣшали бы другія государства. Итак, нашему «патріоту» не остается ничего другого, как упражняться в устройствѣ еврейских погромов и хронических «карательных экспедицій». Наш «патріот» доставит себѣ, правда, высшее наслажденіе, но странѣ нанесет несомнѣнный вред. Ибо, во первых, страна обнищает и придет в экономическій упадок; во вторых, никто не даст ей займов; в третьих, она окончательно потеряет престиж заграницей; в четвертых, собственный народ окончательно одичает и станет противообщественным.

Итак, если наш «патріот» желает блага собственной странѣ, он должен, скрѣпя сердце, отказаться от погромных и карательных удовольствій.

Кажется, ещо Герцен замѣтил, что до тѣх пор, пока одна часть человѣчества считает себя пожирающею, а другая блюдом, все обстоит благополучно; но когда блюдо спросит, на каком основаніи оно должно быть блюдом, hört die Gemütlichkeit auf, т.-е. настает конец добровольному рабству. Тогда можно состоять рабом только за страх, но никогда за совѣсть. Тогда возможны безпре-

рывные бунты и их усмиренія; но эти усмиренія не всегда кончаются благополучно для усмирителей. Слѣдовательно, во избѣжаніе вредной и опасной смуты, необходимо упразднить рабство.

На эту единственно допустимую в наше время точку зрѣнія стала партія народной свободы и партіи, ей родственныя.

Недавно один из «выдающихся государственных мужей», ныньче не у дѣл, упрекал партію к.-д. в «космополитизмѣ» и давал полякам совѣты держаться по возможности дальше от этой не-національной партіи. «Космополитизм» партіи народной свободы, по мнѣнію нашего «государственнаго мужа», проявляется де в том, что она стоит за равноправіе всѣх без исключенія, что она не признает политических преимуществ великорусскаго народа. Наш близорукій «государственный муж» никак не в состояніи представить себѣ Россію без черты осѣдлости, без ограничительных процентов и без національной травли вообще. Если бы он был дѣйствительно государственным мужем в высшем стилѣ, он понял бы, что партія к.-д. является партіей не только высоко-нравственной, чуждой презрѣнія и недоброжелательства к кому бы то ни было, но вмѣстѣ

с тѣм самою патріотическою партіей. Вѣдь она добивается того, чтобы дѣло Россіи стало общим дѣлом всѣх населяющих ее народов и племен.

И вот это и есть та общая точка зрѣнія, на которую должны стать мои читатели.

---

2. Источники національнаго и территоріальнаго признака в автономіи.

Люди группируются или независимо от человѣческой воли, или же в зависимости от человѣческой воли.

Независимая, строго объективная группировка может носить на себѣ или естественный, біологическій, антропологическій, или же общественный, соціальный характер.

Антропологическими естественными признаками внѣволевой группировки людей являются: пол, раса, физическія свойства, язык, род и степень (качество и количество) умственных способностей, характер, темперамент, біологическое родство (родители, дѣти и т. п.) и т. д.

Общественныя основанія внѣволевой группировки людей представляют большею частью объективированное продолженіе извѣст-

ных нѣкогда совершившихся постановленій и рѣшеній. Таковы: сословія, классы общества, различія по имуществу (богатые, бѣдные и т. п.), принадлежность к роду, к общинѣ, к области, к государству и т. п.

Группировка людей в зависимости от человѣческой воли может быть или принудительною, или же свободной.

Послѣдствіем принудительной группировки, т.-е. группировки в зависимости от чужой воли, являются в настоящее время всякаго рода географическія, территоріальныя распредѣленія людей, и прежде всего государственная и административная принадлежность.

Свободною группировкою, группировкой в зависимости от собственной воли даннаго лица слѣдует принципіально считать группировку по роду занятій, по вѣроисповѣданію, по національности и т. д. Конечно, в громадном большинствѣ случаев здѣсь имѣется только иллюзія собственной воли, свобода только кажущаяся, а на самом дѣлѣ или внушеніе со стороны других, или даже просто принужденіе.

Вообще же чрезвычайно трудно опредѣлить, гдѣ кончается вліяніе чужой воли и гдѣ начинается вліяніе своей собственной. Эти два вида группировки людей в зависимости от

воли человѣческой переплетаются и переходят друг в друга.

Так напримѣр, хотя территоріальная и административная принадлежность является обязательною, но тѣм не менѣе, за устраненіем рабства, каждому жителю предоставляется право перемѣнять нетолько мѣсто жительства, но даже государственную принадлежность, т. е. переходить из одного подданства или гражданства в другое. Впрочем, и здѣсь имѣются пережитки рабства, именно в примѣненіи к людям, обязанным военною службой и вслѣдствіе этого не имѣющим права выходить из принудительнаго подданства. Во всяком же случаѣ для каждаго человѣка та или иная государственная принадлежность обязательна, и экстерриторіальность не допускается.

В примѣненіи к нашему вопросу, т. е. к вопросу о территоріальном и національном признакѣ в автономіи, слѣдует замѣтить, что національное и вообще культурное является вмѣстѣ с тѣм подвижным, так как его носители не связаны мѣстом и административным закрѣпощеніем, между чѣм как с точки зрѣнія территоріальной человѣк является glebae adscriptus.

Но это так только в настоящее время, в

государствах и обществах новѣйшей формаціи. С исторической же точки зрѣнія здѣсь произошло перемѣщеніе. Раньше человѣк был не glebae adscriptus, но genti adscriptus, nationi adscriptus, familiae adscriptus.

Это находилось в связи с миѳолологическим міровоззрѣніем, с субстанціализаціей и олицетвореніем рода и его покровителя, родового и національнаго (точнѣе, племенного) бога. Этого бога всѣ члены семьи и рода должны были обожать и ему поклоняться.

Подобное семейное и родовое закрѣпощеніе соотвѣтствует кочевому и пастушескому быту. Территорія же представляется тогда свободной, перемѣнчивой: сегодня здѣсь, завтра там. Домов и семейных очагов нѣт, а есть только переносные шалаши и юрты.

Общественная сплоченность сводится к одной только сплоченности родовой в болѣе или менѣе широких рамках; отдѣльные же люди являются подвижными носителями вѣроисповѣдных и племенных, т. е. зачаточно-національных, идеалов.

Когда быт кочевой замѣняется осѣдлым, а пастушество хлѣбопашеством, тогда мѣняется тоже отношеніе между племенным или зачаточно-національным и террито-

ріальным признаком. Тогда связующим и обязательным элементом становится территоріальная принадлежность, а принадлежность родовая, племенная или зачаточно-національная отходит на второй план.

Однакож, не смотря на преобладаніе территоріальнаго элемента над племенным и національным, пережитки группировки людей на племенных и національных началах сохраняются по настоящее время.

Одним из таких пережитков является прежде всего военная организація, хотя и обязанная своим происхожденіем общегосударственному территоріальному объединенію, но сама по себѣ передвижная, безпочвенная, кочевая.

Затѣм сюда относятся всякіе колонизаціонные набѣги, разбои, хищенія и прочія предпріятія, равно как и массовыя переселенія и эмиграціи.

Пережитком кочевого передвижного быта слѣдует считать странствующія общественныя группы и сословія в родѣ офеней и им подобных.

Типичным пережитком общественнаго объединенія на племенных и зачаточно-національных началах, внѣ всякаго территоріальнаго закрѣпощенія, являются цыганы.

На той же почвѣ, благодаря особым неблагопріятным условіям, выросло еврейское обособленіе, выразившееся в новѣйших стремленіях так называемаго «сіонизма», но об этом послѣ.

Отраженіем прежняго племенного объединенія и слѣдствіем смѣшенія понятій, т. е. смѣшенія государства с извѣстною преобладающею в нем націей, надо считать всякія денаціонализаторскія затѣи, в родѣ италіанизаціи, мадьяризаціи, германизаціи, руссификаціи, полонизаціи и т. д.

Общею подкладкой как территоріальной, так и національной группироки людей является сознательное или же безсознательное стремленіе обезпечить матеріальное благосостояніе прежде всего главарей и олигархов подвижной, но племенно-объединенной, или же территоріально сплоченной группы.

Сначала, в диком и кочевом состояніи, имѣлись объединенныя племена, враждовавшія с другими на всем пространствѣ земного шара. Тогда существовали племенные, національные боги-заступники и их поклонники.

Затѣм появляется зачаточное территоріальное объединеніе, неопредѣленныя географическія границы, а в этих границах постоянная

почва для землепашества. На этой почвѣ вырастают дома и постройки вообще, поселенія, деревни, села, города. На первых порах возникает зачаточное, а затѣм и настоящее государство, в новѣйшем смыслѣ этого слова.

Земные, реальные интересы вмѣщаются в территоріальных предѣлах, а національный элемент, если не переходит в область неземную, загробную, то во всяком случаѣ становится потребностью культуры и находится в тѣсной связи с признаніем человѣческаго достоинства. Поэтому принадлежность к національности должна быть предоставлена свободному выбору, должна быть предоставлена самоопредѣленію каждаго индивида в отдѣльности.

В области національной основным ненарушимым законом должна быть полнѣйшая свобода группировок.

Надо полагать, что со временем и территоріальная сторона человѣческих группировок перейдет в вѣдѣніе самоопредѣленія, но не отдѣльных лиц, а только по большинству голосов, путем плебисцита, на подобіе того, как это, по почину Наполеона III-го, примѣнялось, например, в Венеціанской области послѣ

италіанско-австрійской войны 1866 г. Пока однакож территоріальное остается вообще принудительным. Правда, и національное или культурное остается пока тоже принудительным, но с стремленіем к раскрѣпощенію.

Само національное и культурное вообще подвижно, свободно, но его внѣшнія проявленія все таки территоріальны и прикрѣпощены к землѣ. Таковы всѣ постройки для культурных цѣлей, как положительнаго, так и отрицательнаго достоинства. Таковы храмы, школы, клубы, фабрики, банки. Раз культурное стремленіе воплощается и получает внѣшній признак, оно по необходимости становится территоріальным.

---

3. Объективное и субъективное опредѣленіе и оцѣнка принадлежности человѣка к извѣстной общественной группѣ.

Опредѣляя, по объективным примѣтам, принадлежность отдѣльных людей к той или другой общественной группѣ, мы смотрим на этих людей просто как на предметы научнаго изслѣдованія и классификаціи, как на безличныя существа, как на животныя и растенія. При субъективном самоопредѣленіи и само-

оцѣнкѣ мы имѣем дѣло с личностями, с гражданами.

При объективном распредѣленіи людей по отдѣльным антропологическим и этнографическим категоріям одним из важнѣйших признаков считается язык. Но язык далеко не исчерпывает всей полноты антропологических и этнографических признаков. Эти признаки, между прочим, слѣдующіе:

1) антропологическія сходства и различія, которыми опредѣляется большее или меньшее расовое родство;

2) язык, как главное основаніе для опредѣленія племенного родства;

3) миѳологическія и прочія вѣрованія и все коллективное міровоззрѣніе;

4) народная словесность;

5) обряды и обычаи;

6) памятники письменности и искусства;

7) хозяйственный и домашній быт, тип жилищ и прочих построек, и т. д.

Первыя 5 категорій являются подвижными, переносными признаками, и онѣ связаны непосредственно с самими их носителями. Шестая и седьмая категоріи, хотя, конечно, тоже выражают извѣстную сторону интеллекта даннаго племени, но онѣ вылились наружу, прикрѣпи-

лись к тому или другому мѣсту и перешли в область территоріальнаго.

Впрочем слѣдует замѣтить, что такіе памятники искусства, как изваянія, музыкальные инструменты и т. п. принадлежат к разряду переносных и не могут быть причислены к признакам территоріальным. Памятники письменности на скалах (например, клинообразныя надписи), на постройках, на надгробных камнях и т. п. прикрѣпощены к землѣ и к территоріи, папирусы же, рукописи, книги и т. д. передвижны и переносны.

На подобіе флоры и фауны земного шара, при объективном опредѣленіи, оцѣнкѣ и распредѣленіи рода человѣческаго, мы получаем антропогеографію и связанную с нею вещественную археологію.

Но все предусмотрѣнное антропогеографіей и археологіей стоит ниже уровня понятія, связаннаго со словом «національность» в новѣйшем смыслѣ этого слова. В области національности, без субъективнаго сознательнаго самоопредѣленія каждаго лица в отдѣльности никто не имѣет права причислять его туда или сюда. Здѣсь уже нельзя смотрѣть на людей как на овец или как на рабов. А даже и настоящаго раба мы не могли бы при-

числить к извѣстной національности, если-бы он сам себя туда не причислил. Мы могли бы внести его в инвентарь движимой собственности того или другого лица, или той или другой общественной группы, но, ставя вопрос об его національности, мы дѣлаем его самоопредѣляющимся человѣком и, когда мы обращаемся к нему с подобным вопросом, он в эту минуту перестает быть рабом и становится свободным человѣком.

Объективныя примѣты отдѣльных людей, как индивидов из породы homo sapiens, сами по себѣ, а субъективныя наклонности и симпатіи и сознательный выбор принадлежности сами по себѣ.

Даже владѣя очень хорошо языком извѣстнаго народа и принадлежа к нему по рожденію, можно однакож, по тѣм или другим причинам, выйти из его состава, и наоборот, плохое знаніе извѣстнаго языка не мѣшает сознательному причисленію себя к народу, пользующемуся этим языком, как органом національнаго объединенія.

С точки зрѣнія объективной оцѣнки никак нельзя рѣшить вопроса, считать ли евреев в Россіи или в Польшѣ національностью, или же нѣт. «Истинно-польскіе люди» призна-

ют евреев по стольку, по скольку тѣ считают себя поляками. Точно также «истинно-русскіе люди» признают и евреев и поляков по стольку, по скольку и тѣ и другіе считают себя русскими. В наукѣ же и в серьезной политикѣ ни «истинно-польская», ни «истинно-русская», ни какая-бы то ни было «истинно-національная» точка зрѣнія не могут имѣть примѣненія. Вопрос о національной принадлежности рѣшается каждым сознательным поляком, каждым сознательным евреем и каждым сознательным человѣком в отдѣльности.

Человѣк, не доразвившійся ещо до понятія «національности» и, стало быть, не будущій в состояніи опредѣлить свою національность, не может быть причислен ни к какой національности. Он, только с чисто объективной точки зрѣнія, принадлежит к тому или другому племени или народу; причисленіе же его к «національности» будет ложью и насиліем.

При сознательном отношеніи к вопросу о національности и о других культурных группировках можно свободно принадлежать не только к одной такой культурной группѣ, но даже к нѣскольким разнообразным культурным группам, или же не принадлежать

ни к одной из них. Другими словами: вполнѣ возможна сознательная (или полусознательная и даже безсознательная, но могущая быть осознанною) принадлежность к двум и болѣе національностям, или же полная безнаціональность, точнѣе, внѣнаціональность, на подобіе безвѣроисповѣдности или внѣвѣроисповѣдности.

Можно быть безвѣроисповѣдным и безпартійным; но принадлежать одновременно к двум или болѣе вѣроисповѣданіям или же к двум или болѣе исключающим друг друга партіям навряд ли возможно. Другое дѣло національности, конечно, національности не наступательныя, не воинствующія, а исключительно культурныя. Как возможно в одной и той же головѣ совмѣщеніе двух и болѣе языков, точно также возможно в ней сознаніе принадлежности к двум и болѣе національностям.

Еслиб не осложненіе политической, вѣроисповѣдной, сословной и классовой борьбой и враждой, никому не казалась бы странною одновременная принадлежность, например, к польской и еврейской національности, к національности польской и литовской, украинской и еврейской, украинской, польской и еврей-

ской, украинской и русской (великорусской), грузинской и русской и т. д., и даже к національности польской и нѣмецкой, польской и русской и т. п.

Из предшествующаго видно, до какой степени никуда негодными слѣдует признать данныя заурядной статистики народонаселенія. Эта злополучная статистика смѣшивает объективные признаки с субъективным самоопредѣленіем, родной язык с національностью, допускает возможность только одного разговорнаго языка, навязывает человѣку ту или другую національность, то или другое вѣроисповѣданіе.

Для того, чтобы статистика народонаселенія приносила дѣйствительную пользу как для науки, так и для соображеній практической политики, она должна строго различать объективные признаки от признаков субъективных. Но такая статистика возможна только в свободной и дѣйствительно культурной странѣ, а сдѣлаться таковою Россіи еще долго не придется.

По части признаков объективных настоящей статистикѣ слѣдует ставить вопрос не о том, какой язык данный индивид считает своим родным, — многіе это скрывают или же не умѣют формулировать отвѣта, — а

о том, на каких языках он говорит и в каком порядкѣ им выучивался.

Субъективными признаками научная статистика должна считать сознательную принадлежность к той или другой національности, или принадлежность к болѣе чѣм к одной національностям, или же полную внѣнаціональность; затѣм принадлежность к извѣстному вѣроисповѣданію, или же безвѣроисповѣдность; принадлежность к той или другой «партіи», или же безпартійность. Все это вопросы весьма щекотливые и не каждый рѣшится отвѣтить на них по совѣсти. Одни могут бояться, другіе не проч похвастать. Поэтому лучше эту графу оставлять пока незаполненною, дожидаясь лучших времен, т.-е. политическаго и нравственнаго возрожденія Россіи.

Конечно, всѣ эти вопросы могут сами собою отпадать в примѣненіи к извѣстному возрасту подлежащих переписи лиц. Так например, вполнѣ исключаются младенцы, а дѣти постарше подлежат самой разнообразной постепенной оцѣнкѣ.

* * *

Національность, являющаяся одним из существенных составных элементов культурнаго

самоопредѣленія, сама по себѣ совершенно непримѣнима как признак автономіи в строгом смыслѣ этого слова. Частное понятіе національности подходит под общее понятіе свободной группировки лиц, мнящих себя одинаково вѣрующими, одинаково національзованными, одинаково партійными.

Стало-быть, вопрос «національной автономіи» рѣшается законом о полной свободѣ союзов и обществ.

Другое дѣло обязательная территоріальная автономія, автономія извѣстной области. Вопрос о такой автономіи рѣшается на почвѣ чисто земных, экономических и политических, интересов.

Само собою такая автономія опредѣляется извѣстными географическими границами.

В данном случаѣ человѣк — дѣйствительно или фиктивно — владѣет землею, но вмѣстѣ с тѣм является рабом земли.

Раз люди живут вмѣстѣ, в одной-ли квартирѣ, в одном ли домѣ, в одной-ли мѣстности, в одной ли области, у них,—не смотря на их принадлежность к самым разнообразным вѣроисповѣдным, партійным и національным толкам, — имѣются непремѣнно общіе интересы, и они, эти люди, должны дѣйствовать

за одно, чтобы облегчить себѣ жизнь и не терять времени на ссоры и борьбу из-за того, что, с практической точки зрѣнія, выѣденнаго яйца не стоит. Другое дѣло обмѣн мнѣній и идейная борьба из-за политических принципов.

---

4. Практическое рѣшеніе вопроса об автономіи и ея осуществленіе.

Из предыдущаго получился вывод, что національность сама по себѣ не может служить основаніем для рѣшенія вопроса об автономіи той или другой области. Так гдѣ же искать исходной точки не только для рѣшенія, но просто для постановки этого вопроса?

Небольшая территорія, в родѣ, напримѣр, Петербургской или Московской губерніи, хотя бы даже она состояла из самых разнообразных нетолько этнических элементов, но и ясно сознанных національностей, вовсе не нуждается в автономизаціи своих областей и может довольствоваться простым самоуправленіем отдѣльных районов, общин и округов. За то географическій колосс, хотя бы в

этнографическом и національном отношеніи вполнѣ однородный, по чисто хозяйственным, экономическим и административным соображеніям, без политической автономіи отдѣльных областей не может функціонировать втеченіе продолжительнаго времени и, благодаря централизаціи, должен подвергаться постепенному параличу как отдѣльных своих частей, так и цѣлаго.

Таким географическим колоссом является несомнѣнно Россія.

В современной Россіи имѣются, с одной стороны, ясно очерченныя области, громадное большинство сознательных жителей *) которых требует автономіи, с другой же стороны желательна автономизація всего государства вслѣдствіе его громоздкости и объективно доказаннаго вреда централизаціи.

При осуществленіи автономій, т.-е. при опредѣленіи границ отдѣльных автономных областей, необходимо имѣть в виду прежде всего два принципа:

Во первых, люди для нас не головы живого инвентаря или скота, которыя можно

*) К сожалѣнію, таких «сознательных жителей» имѣется пока весьма немного. *Прим. в 1910 г.*

произвольно классифицировать по естественным или же искусственно придуманным примѣтам. Граждане не безвольные рабы или солдаты, которых можно самовольно распредѣлять по отдѣльным отрядам или полкам. Раз появился особый сорт двуногаго звѣря, называемый гражданином, необходимо считаться с его волей.

Во вторых, большинство не должно посягать на права меньшинства и на его самоопредѣляемость, и наоборот меньшинству не слѣдует терроризировать большинства.

Желаніе навязывать другим свою національность и ассимилировать себѣ иноплеменников присуще всѣм человѣческим стадам. Болѣзненное же напряженіе этого стремленія, замѣчаемое нетолько в современной Россіи, но и в других странах, вполнѣ понятно в виду предшествовавшаго и все еще продолжающагося гоненія извѣстных національностей и вѣроисповѣданій. Когда людям воспрещают говорить на их родном языкѣ, когда упраздняют их письменность, даже их алфавит, то, понятно, в этих людях развивается гиперэстезія національнаго чувства, и они, как только освобождаются от нелѣпых

стѣсненій и получают возможность національнаго развитія, проявляют вмѣстѣ с тѣм наклонность к захвату и к выходу за предѣлы справедливости.

Поэтому, во избѣжаніе могущих возникнуть вслѣдствіе этого разногласій и непроизводительной междунаціональной распри, должны быть общеимперскими законами обезпечены права всѣх свободно группирующихся національностей, вѣроисповѣданій и других т. п. союзов.

Вопроса о принципах и границах территоріальных автономій нельзя рѣшать ни у себя в кабинетѣ, за письменным столом учонаго или бюрократа, ни на случайно набранных митингах.

Какіе бы мы ни придумывали основанія для апріорнаго выдѣленія отдѣльных автономных областей, вездѣ встрѣтимся с коллизіями или столкновеніями исключающих друг друга стадных интересов.

Положим, мы поставим во главу угла историческія права отдѣльных областей, и сейчас же увидим, что на «исторических правах» нельзя строить никакой автономіи.

Неужели же, например, при опредѣленіи автономіи Польщи мы можем руководствоваться

нѣкогда существовавшими границами независимаго польскаго государства? Вѣдь, во-первых, эти границы постоянно мѣнялись, а во-вторых, онѣ были основаны на аристократическом принципѣ, признававшем только дворян за людей и граждан, а другія сословія, и прежде всего крестьян, уравнивавшем в правах с домашними животными. Теперь у нас другой лозунг, лозунг демократическій, дающій право гражданства и самоопредѣляемости всѣм без исключенія политически сознательным жителям страны. «Историческія права» Польши сталкиваются с «историческими же правами» Литвы, Украины и т. д.

Затѣм, как примѣнять принцип «исторических прав» в Закавказьѣ или же в Прибалтійском краѣ? Неужели же это будут «историческія права» нѣмецких баронов на безконтрольное владѣніе латышскою и эстонскою двуногою скотиной? Правда, современные потомки меченосцев осуществляют свое «историческое право», охотясь, вмѣстѣ с государственною вооружонною силой, за эстонскою и латышскою дичью, но этому «исторически-правовому» спорту будет же когда-нибудь положен предѣл.

Вообще можно сказать, что так называе-

мыя «историческія права» являются просто правами насилія, совершоннаго в прошлом. «Историческими правами» можно оправдать всякій захват, всякое беззаконіе, всякую жестокость и несправедливость. Послѣдніе захваты и завоеванія, создавшіе современную Россію, являются тоже «историческим» фактом и «историческим правом». «Историческое право» современной самодержавной и централизованной Россіи не мирится с мыслью об автономизаціи этого государства.

Так может быть вмѣсто «исторических прав» мы выдвинем на первый план «права этнографическія» и зачаточно-національныя, т.-е. постараемся образовать автономныя области для отдѣльных народностей, считая главным признаком народности ея родной язык?

К сожалѣнію, за исключеніем развѣ нѣкорых чисто великорусских областей, да и то только до поры до времени, такая національно-территоріальная автономизація Россійскаго государства в тѣсном смыслѣ этого словя совершенно неосуществима.

Развѣ можно создать чистыя національно-территоріальныя автономныя области из Польши, из Литвы, из Прибалтійскаго края, или же

из Латышіи и Эстоніи, из Бѣлоруси, из Закавказья или же из его частей: западной (Грузіи) и восточной? Да и зачѣм создавать непремѣнно чистыя національно-территоріальныя области? Неужели люди различных національностей могут жить в одной области только по образцу кошки с собакой?

Требованіе непремѣнно этнографическаго и національнаго основанія для автономіи приводит к абсурду и говорит против автономіи. Тогда уж лучше отказаться от всяких автономій и оставить одну недѣлимую Россію, с преобладаніем в ней самодержавной великорусской національности и с подданными ей другими національностями, до тѣх пор, пока это государственное чудовище не развалится от собственной тяжести.

Так может быть в концѣ концов мы, сидя у себя в кабинетѣ или же обсуждая на митингах, ухватимся за физическія или же экономическія условія отдѣльных областей Россіи, подлежащих автономизаціи? Тогда мѣсто «исторических прав» и «этнографических прав» займут бассейны рѣк, горные хребты, обиліе озер, черноземность, рыболовство, хлѣбопашество, однородный характер

промышленности, горная промышленность, фабричные районы и т. п.

Подобная постановка вопроса об автономіи вполнѣ исключает из него національный элемент и замѣняет его всецѣло територіальными соображеніями. И дѣйствительно, это очень заманчивое рѣшеніе, но, к сожалѣнію, оно не может быть дано из центра, без опроса мѣстнаго населенія, хотя бы только в лицѣ его, законным путем избранных, представителей.

Мѣсто кабинетных бюрократических размышленій и митинговых резолюцій должно занять прежде всего признаніе извѣстных человѣческих, индивидуальных и общественных, прав, и затѣм обсужденіе пользы, истекающей из того или другого рѣшенія даннаго вопроса.

Во главѣ человѣческих прав я ставлю, с одной стороны, права человѣческаго достоинства и права свободной самоопредѣляющейся человѣческой личности, с другой же стороны, права экономическаго благосостоянія и мирнаго сожительства всѣх обитателей как всего государства, так и его отдѣльных частей.

Затѣм, схоластическія и кровожадныя «исто-

рическія права» я замѣняю правами даннаго историческаго момента, т.-е. правами настроенія и стремленія жителей административно опредѣленной области.

Вмѣсто же «этнографических прав» я предлагаю принимать во вниманіе общій этнографическій облик данной территоріи.

Так, например, я считаю весьма отрадным явленіем, что в Бѣлоруси, благодаря ея своеобразному этнографическому облику и историческому прошлому, развился мѣстный патріотизм, так сказать, сціентифическая любовь родного края, проявляемая одинаково мѣстными жителями разных національностей: и настоящими бѣлоруссами, и великороссами, и поляками, и евреями. Эта бѣлорусская децентрализація культурных стремленій ничуть не мѣшает противоположному теченію, теченію в сторону объединенія с общерусскими культурными стремленіями.

Такой общій своеобразный этнографическій облик свойствен тоже болѣе или менѣе: литовским губерніям, украинской (малороссійской) области, всей вмѣстѣ или же по частям, Прибалтійскому краю, всему или же в двух частях, Закавказью, всему или же тоже по частям, и т. д.

К категоріи прав, могущих служить исходною точкой при постановкѣ вопроса об автономіи отдѣльных областей, должны быть причислены тоже упомянутыя мною выше физическія и экономическія условія, но с подчиненіем их правам самоопредѣляющейся человѣческой личности.

Чрезвычайно важную и подчас рѣшающую роль в вопросѣ об автономіи играют права непреодолимых сил даннаго историческаго момента.

К непреодолимым силам принадлежат прежде всего данныя политическія и административныя границы, дѣйствующія в этих границах особыя законоположенія и обусловленная всѣм этим совмѣстная жизнь всего населенія данной области.

Такою ясно опредѣленною областью, и в административном и в юридическом отношеніи, является в современной Россіи прежде всего Царство Польское, не смотря на все его этнографическое разнообразіе. Особые гражданскіе законы и административное обособленіе под самодержавною властью отдѣльнаго генерал-губернатора дѣлают из этой области готовыя рамки для автономіи русской Польши,— при чом, конечно, слово «Польша» мы берем

не в этнографическом, а в политическо-административном смыслѣ.

На входящую в состав Царства Польскаго Сувалкскую губернію заявляют притязанія литовскіе политики, требующіе автономіи Литвы «на этнографических началах». Конечно, эти притязанія должны быть со временем удовлетворены, но не по щучьему велѣнію господ бюрократов или записных политиков, а посредством опроса самого населенія, как всей губерніи, так и ея отдѣльных уѣздов и волостей. Этот опрос может быть или поголовный, т. е. так наз. плебисцит, или же через свободно избранных, путем всеобщаго голосованія, представителей самоуправляющихся единиц.

Точно таким же образом должен рѣшаться вопрос о так называемом «Русском Забужьѣ» или о «Холмской Руси». Пусть сами жители этого края рѣшат по большинству голосов, желают ли они и впредь входить в состав Царства Польскаго, или же предпочитают быть от него отдѣленными. Теперешняя попытка гг. бюрократов рѣшать этот вопрос на собственный страх, не спрашивая населенія, не может быть признана законною.

Во всяком случаѣ вопрос о территоріаль-

ной автономіи Царства Польскаго вполнѣ выяснился и созрѣл для окончательнаго рѣшенія. А как же с автономизаціей других областей Россіи?

Прежде всего слѣдует спросить, будет ли Государственная Дума заниматься в ближайшем будущем подобными вопросами?

Если нѣт, то тогда нечего ставить эти вопросы на практическую почву, и придется предоставить весь ход исторических событій в Россіи собственному теченію. Laissez faire, laissez passer.

Если же Дума, паче чаянія, займется этим, по мнѣнію кое-кого, величайшей важности вопросом, то прежде всего ей придется выяснить, какія области должны быть намѣчены как объект автономизаціи.

Руководствуясь объективными признаками, нужно будет на первых порах принять во вниманіе исторически сложившіяся границы отдѣльных генерал-губернаторств или самодовлѣющих сатрапій. При этом, конечно, необходимо выдѣлить Сибирь, которая с своей стороны должна распасться на нѣсколько автономных областей.

Вѣроятнѣе всего отдѣльныя автономіи будут выдѣляться путем субъективнаго самоопре-

дѣленія. Практическое рѣшеніе в этом направленіи я себѣ представляю в слѣдующем видѣ:

В Госуд. Думѣ будет сдѣлано заявленіе представителями извѣстной области о необходимости дать этой области автономное самоуправленіе, причом будут тоже точно указаны границы предполагаемой автономной области. Тогда, в случаѣ если вопрос этот будет рѣшон Думою *) принципіально в утвердительном смыслѣ, его детальная разработка и дальнѣйшее развитіе передается на мѣста. В столицѣ данной области созывается особое учредительное совѣщаніе, избранное путем свободной, не стѣсняемой скорпіонными инструкціями, всеобщей подачи голосов в предѣлах указанной области. Задача подобнаго учредительнаго совѣщанія состоит, во первых, в окончательном опредѣленіи границ данной области, во-вторых же, в выработкѣ основного закона автономіи, который затѣм должен пойти на утвержденіе общеимперскаго парламента и других общегосударственных законодательных властей.

Против намѣченных границ данной авто-

*) Т.-е. нетолько Думою, но и другими законодательными органами. Конечно, в переживаемое нами время все это праздный разговор. *Прим. в 1910 г.*

номной области могут подняться голоса в учредительном совѣщаніи. Если протестующіе представители извѣстной окраины данной области (представители губерніи, уѣзда, округа и т. п.) объединятся в большинство, тогда эта окраина выдѣляется из данной автономной области и или входит в состав другой, или же пока остается без автономизаціи.

Так напримѣр, я себѣ представляю, что в случаѣ, если бы представители стремящейся к автономіи Литовской области включили в ея состав тоже всю Виленскую и Гродненскую губернію, представители этих губерній, или взятых цѣликом, или же их значительной части, входящіе в состав учредительнаго совѣщанія, выскажутся против присоединенія их к Литвѣ, как к особой автономной области. Если же, наоборот, стремящіеся к автономіи Литовцы ограничились бы на первых порах одною только Ковенскою губерніей, к ним навѣрно присоединятся добровольно нѣкоторыя части губерній Виленской и Гродненской, точно так же как и значительная часть Сувалкской губерніи.

Таким же образом слѣдует смотрѣть на предполагаемую автономизацію Сѣверо-Западнаго края, Юго-Западнаго края, Южной Рос-

сіи, Прибалтійскаго края, Кавказа и Закавказья, Сибири, внутренних губерній Европейской Россіи и т. д. Из всѣх этих краев едва ли возникнут единыя автономныя области, и скорѣе надо предполагать их распаденіе на двѣ или даже больше автономных областей.

Все это дѣло весьма сложное и требующее усиленнаго труда, а для его осуществленія, как и для осуществленія разных других спасительных для Россіи мѣропріятій, необходимо, во-первых, чтобы Дума сдѣлалась дѣйствительно законодательствующей и чтобы перед ея законодательною властью преклонялись другіе факторы управленія страною, во-вторых же, чтобы в самой Думѣ был признан принцип самоопредѣленія отдѣльных областей.

Всякія же совѣщанія по этому вопросу господ, не находящих ничего предосудительнаго в растрачиваніи продовольственных денег на увеселительныя заведенія и разныя промышленныя предпріятія сомнительнаго свойства, не могут быть принимаемы в серьез. Эти господа придерживаются ещо міровоззрѣнія П. И. Чичикова и считают людей живым инвентарем, живыми и «мертвыми душами», с тѣм только различіем, что тот превращал «мертвыя души» в живыя, а они

превращают живых людей в мертвецов. Обращеніе к подобным господам со стороны представителей отдѣльных областей нетолько безнравственно, но вмѣстѣ с тѣм и безплодно.

---

5. Федерализація Россійскаго государства.

По мнѣнію нѣкоторых лиц, Россіи необходимо со временем перейти в федеративное устройство; иначе она попадет в окончательную анархію и погибнет как единое государство. Быть может, что думающіе таким образом ошибаются и что правы тѣ, кто стоит за возможную административную и политическую недѣлимость этого чудовищнаго цѣлаго. Кто из них прав, покажет безпощадная критика со стороны будущих исторических событій. Пока же мы можем разсуждать о федерализаціи Россіи только чисто теоретически, не предвидя практическаго примѣненія этого принципа в ближайшем будущем.

«Федерализацію» Россіи мы себѣ представляем как ея распаденіе на штаты или политически обособленные края, связанные объединяющим их договором и составляющіе совмѣстно, по отношенію к другим таким же недѣлимым самодовлѣющим государственным

цѣлым, одно общегосударственное суверенное цѣлое.

Идеальная «федерализація» должна бы быть проведена таким образом, чтобы отдѣльные штаты были приблизительно равны друг другу по величинѣ, точнѣе, по числу жителей.

Имѣя в виду генезис исторически сложившихся федерацій, нѣсколько странно говорить о федерализаціи Россіи. Вѣдь при настоящей «федераціи» сплачиваются во едино, объединяются прежде разъединенныя области, жившія совершенно отдѣльною политическою жизнью. Здѣсь же мы видим перед собою образовавшееся путем завоеванія и обезличиванія присоединяемых областей централизованное цѣлое, и ждем его превращенія в федерацію областей.

Для этого необходимо одно из двух: Или Россія, благодаря одолѣвшим ее разъединительным (центробѣжным) силам, распадется на отдѣльныя части, которыя затѣм, ради общей пользы, будут искать федеративнаго сближенія друг с другом; или же пониманіе пользы федеративнаго устройства проникнет в умы сознательнаго населенія, которое и добьется этого устройства законодательным порядком. И до того и до другого можно дойти только

исподволь, постепенно, послѣ долгихъ лѣт мучительных опытов и политических неудач. В первом случаѣ Россію ждет прежде всего продолженіе теперешней смуты и чудовищных ужасов; во втором же случаѣ можно надѣяться в отдаленном будущем на мирный исход и исцѣленіе.

Впрочем, для федерализаціи Россіи рамки уже готовы. Вѣдь еще покойный благодѣтель Россіи, В. К. фон-Плеве, предлагал усиленіе власти мѣстных помпадуров и надѣленіе их относительною независимостью от центра государства. Этот проект «выдававшагося государственнаго мужа» с нѣкоторых пор усердно осуществляется. Россія раскромсана на генерал-губернаторства, в которых самодержавные сатрапы издают «законы» по усмотрѣнію и являются полными распорядителями жизни и смерти обывателей. Чѣм же это не федерація?

А развѣ избирательный закон, не допускающій совмѣстных выборов народных представителей от города, от губерніи и т. д. и разбившій избирателей на стойла, называемыя раіонами, не основан на федеративном началѣ?

И вот как раз и тот и другой опыт федерализаціи Россіи, т.-е. и раскромсаніе ея на кровавыя сатрапіи, и разбитіе избирателей по

стойлам, вызвали в обывателях стремленіе к объединенію, к совмѣстному дѣйствію всѣх граждан государства. Точно такой же результат даст настоящая федерализація Россіи. Тогда отдѣльныя надѣленныя политическою самостоятельностью области, во имя единства государства и ради практической пользы, поступятся кое-какими из своих суверенных политических прав и передадут их центральным правительственным учрежденіям.

Нельзя, кажется, отрицать, что стремленіе к крайней децентрализаціи, переходящей в федеративное устройство, возникает во многих сознательных и политически образованных головах не только в средѣ «инородцев» и національных пасынков Россіи, но тоже между чистѣйшими великороссами. Это стремленіе все крѣпнет, все усиливается, а его могущественному росту помогают событія как внѣшней, так и внутренней политической жизни.

Как здѣсь, так и во многом другом замѣчается как раз противоположное тому, что происходило во время великой французской революціи.

Во Франціи неистовствовал кровавый революціонный террор во имя фантастическаго будущаго. В Россіи якобинцы справа доводят

до крайних предѣлов контр-революціонный террор во имя постылаго прошлаго.

Во Франціи с бѣшеною скоростью проводилась окончательная неумолимая централизація всего государства, уничтожались всякіе слѣды автономіи отдѣльных провинцій, замѣняемых безличными департаментами, предназначенными для проявленія административной дѣятельности насаждаемых центральною властью помпадуров. В Россіи, как раз наоборот, возникает децентралистическое стремленіе упразднить губерніи и создать автономныя области, т.-е. перейти от губерній и помпадуров к самостоятельным самоуправляющимся областям.

Если когда-нибудь осуществится федеративное устройство Россіи, если на территоріи нынѣшняго россійскаго государства возникнут «соединенные штаты», тогда, само собою, вмѣсто единой Государственной Думы появятся мѣстные областные сеймы, рядом с немногочисленным по составу центральным парламентом и со вторую палатой, в видѣ союзнаго совѣта, с судебным отдѣленіем, стоящим на стражѣ соблюденія законов федераціи.

Из всего вышесказаннаго явствует, что и подобная федерація отдѣльных частей Россіи

будет не федераціей національностей, а только федераціей отдѣльных областей, отдѣльных территорій.

---

6. Обезпеченіе прав меньшинства и большинства.

Мы все слышим только об обезпеченіи прав меньшинства; а между тѣм во многих случаях большинство нуждается в таком же обезпеченіи. До чего доводит отсутствіе гарантій для большинства, мы видим хотя бы в Прибалтійском краѣ, гдѣ незначительный процент нѣмецких баронов и рыцарей, вмѣстѣ с нѣмецкою интеллигенціей, властвовал исключительно и подавлял всякую политическую жизнь у фактических рабов, латышей и эстонцев. И теперешнее «усмиреніе» прибалтійскаго бунта приняло такой дикій и отталкивающій характер вслѣдствіе того, что разные «честные сотрудники» и «добросовѣстные врачи» слишком усердно обезпечивают там права меньшинства, с безпардонным попираніем прав большинства.

Точно также необходимо обезпеченіе прав большинства в Литвѣ, в Сѣверо-западном краѣ вообще, в Юго-западном краѣ и т. д., гдѣ, благодаря смѣшенію сословнаго различія с

національным, до сих пор хозяйничали по преимуществу польскіе и великорусскіе дворяне, отодвигая на второй план мѣстное численно господствующее населеніе.

Впрочем, права большинства достаточно обезпечиваются проведеніем в жизнь демократическаго принципа всесословной, точнѣе, безсословной волости и всеобщаго, равнаго избирательнаго права. К сожалѣнію, мы ещо очень далеки от всеобщаго избирательнаго права, а теперешніе вершители судеб Россіи, мечтающіе о воскрешеніи сословных привилегій в их полном объемѣ, стараются всѣми силами не расширить, а, напротив того, по возможности съузить и обрѣзать нынѣ дѣйствующій куцый избирательный закон.

Когда однакож мы добьемся наконец всеобщаго избирательнаго права, тогда явится дѣйствительно опасность для меньшинства. В предупрежденіе терроризаціи меньшинства большинством, по соображеніям нетолько общечеловѣческой справедливости, но и общественной пользы, необходимо уже теперь подумать об обезпеченіи прав меньшинства. При этом я имѣю в виду нетолько національное (и вѣроисповѣдное) меньшинство, но и всякое другое: классовое, партійное и т. д.

При безусловном господствѣ большинства может сложиться ложный и крайне пагубный взглядъ, что только люди, входящіе в состав этого большинства, являются «хозяевами» данной страны или области, всѣ же остальные— только «гости», состоящіе в полной зависимости от великодушных или же свирѣпых хозяев. При таком взглядѣ евреям, например, придется вездѣ разыгрывать роль «гостей», а от подобнаго взгляда до устройства погромов только один шаг.

В Польшѣ окажутся «хозяевами» люди польской національности, терпящіе милостиво иноплеменных «гостей», но имѣющіе тоже право распорядиться их выселеніем. В остальной Россіи, за вычетом Царства Польскаго, большинство, хотя и весьма незначительное, составят великороссы; стало быть, в Россіи, кромѣ великороссов, т.-е.,—переводя это на обыкновенный человѣческій язык,—кромѣ всероссійских бюрократов, распоряжающихся безконтрольно судьбами страны, всѣ остальные жители будут переведены в разряд «гостей».

Во избѣжаніе всѣх подобнаго рода прискорбных и вредных недоразумѣній, одним из первых законов, изданіе которых лежит на обя-

занности будущей Государственной Думы, должен быть слѣдующій:

Обезпечиваются права меньшинства и большинства по всѣм направленіям общественной жизни.

Права большинства и меньшинства разлагаются на права отдѣльных лиц, а права отдѣльных лиц слагаются из слѣдующих составных элементов:

1) само существованіе человѣка, как необходимое условіе его общественной энергіи;

2) личныя повинности и услуги, оказываемыя обществу (военная служба, рожденіе дѣтей, потребленіе пищи и т. п., способствующее увеличенію не только косвенных, но и прямых налогов, и т. д.);

3) прямые, непосредственные денежные вклады, подати и т. д., в пользу государства и в пользу отдѣльных общественных групп.

При такой постановкѣ и оцѣнкѣ прав личности нельзя никак согласиться с положеніем, высказанным в концѣ моей статьи «Значеніе языка как предмета изученія», напечатанной в журналѣ Я. Я. Гуревича «Русская Школа» (1906, № 7—8, іюль—август, стр. 79), а именно с положеніем:

«Всякое національное меньшинство имѣет

право на школу со своим собственным преподавательским языком и на соотвѣтствующее его, этого національнаго меньшинства, вкладам в общинную, областную или же общегосударственную казну участіе общины, области или же государства в расходах на содержаніе этой школы».

В этом положеніи сказывается невольно чисто капиталистическая точка зрѣнія, точка зрѣнія, которой мы обязаны требованіем «man soll die Stimmen nicht nur zählen, sondern auch wiegen» (мы должны голоса не только считать, но и взвѣшивать), точка зрѣнія, требующая имущественнаго ценза и плюральности голосов для имущественно передовых сословій, точка зрѣнія, при которой человѣческая личность подавляется имуществом и вообще капиталом.

При таком взглядѣ на права меньшинства и большинства может случиться, что 4% Прибалтійских нѣмцев будут имѣть болѣе прав на государственную и общественную поддержку их національных школ, нежели болѣе 90% латышскаго и эстонскаго населенія, если это бѣдное населеніе дает казнѣ меньше прямых доходов. Вѣдь и про само существованіе даннаго лица, уравнивающее его со всѣми осталь-

ными, и про его другія повинности и посредственныя приношенія даже в пользу казны при этом как будто совершенно забывается.

* * *

Обезпеченіе прав національнаго и всякаго другого меньшинства во всем государствѣ и в отдѣльных областях проявляется в двух направленіях:

1) в политическом представительствѣ в управленіи, в законодательствѣ и т. д.;

2) в школьном дѣлѣ.

Что касается 1-го пункта, т. е. политическаго представительства в законодательствѣ и в управленіи страною (во всякаго рода территоріальных и административных единицах), то должна быть признана и законом обезпечена добровольная группировка граждан по каким угодно признакам. Люди имѣют право составлять группу не только на основаніи своего національнаго, вѣроисповѣднаго или же партійнаго обособленія, но тоже по своим физическим сходствам (например, горбатые, хромые, блондины, рыжіе, брюхатые и т. п.), по роду занятій (столяры, сапожники, землепашцы и т. п.) и т. д.

Но как обезпечить таким добровольно сое-

динившимся группам населенія участіе в народном представительствѣ?

Возьмем конкретный примѣр, евреев в Царствѣ Польском.

Евреи в Царствѣ Польском составляют около 12% всего населенія. Если бы они потребовали пропорціональнаго участія в народном представительствѣ в Госуд. Думѣ, то из 34 депутатов от Царства Польскаго *) на их долю пришлось бы 4 депутата. Но может быть не всѣ евреи захотят имѣть своих особых представителей, а только половина; другіе же предпочтут подавать голос вмѣстѣ с остальным населеніем. Тогда между 34 представителями от Царства Польскаго должны быть непремѣнно два избранника евреев, составивших особую избирательную группу. Так как ни в одной губерніи они не могут имѣть права на особаго представителя, то им придется или соединиться в один избирательный округ с двумя общими представителями, или же разбиться на два округа, по одному представи-

*) По новѣйшему избирательному закону (3 іюня 1907 г.) Царство Польское или «Привислинье» посылает в Думу только 12 представителей: по одному от каждой из 10 губерній и по одному от двух городов: Варшавы и Лодзи. Кромѣ того, привилегированная курія русских чиновников имѣет двух представителей: в Варшавѣ и в «Холмщинѣ». *Прим. 1913 г.*

телю от каждаго. Но тогда, и в том и в другом случаѣ, при теперешней системѣ общих выборов по губерніям и большим городам, получится затрудненіе относительно остальных депутатов. Вопрос сведется к тому, которой губерніи или же которому городу надо поступиться одним депутатом в пользу спеціально еврейскаго представителя.

И вот обезпеченіе прав меньшинства при политических выборах ведет непремѣнно к упраздненію как порайонной и поокружной системы, так и института выборщиков. Оно мыслимо только при прямом голосованіи и не по губерніям и большим городам, а по крайней мѣрѣ по цѣлым областям, как избирательным единицам.

Вмѣсто предлагаемой здѣсь мною системы выборов, обезпечивающей права меньшинства, можно бы взять новую финляндскую систему, правда, на первый взгляд весьма сложную, но вмѣстѣ с тѣм представляющую в извѣстном смыслѣ верх совершенства.

В области школьнаго дѣла обезпеченіе прав меньшинства представляется мнѣ в слѣдующем видѣ:

Каждая группа людей и даже каждый отдѣльный человѣк, живущій в извѣстной области,

имѣет право основывать школы всѣх типов и степеней образованія со своим родным и вообще каким бы то ни было преподавательским языком, и вмѣстѣ с тѣм имѣет право на матеріальную поддержку со стороны казны, в размѣрѣ своих личных прав, опредѣляемых тремя вышепоименованными составными элементами.

Положим, для примѣра, что нѣсколько жителей или хотя бы только один житель Царства Польскаго желает основать школу с испанским преподавательским языком. Конечно, пріисканіе преподавателей должно всецѣло составлять его личную заботу; но на денежное пособіе со стороны казны он непремѣнно имѣет право. Быть может, что это денежное пособіе окажется в размѣрѣ нѣскольких копѣек или даже меньше копѣйки; но оно все-таки должно быть ему ассигновано.

Итак мы видим, что при подобной постановкѣ вопроса об обезпеченіи прав меньшинства получится цѣлая масса частных слагаемых, которыя в глазах самого надѣленнаго ими гражданина будут обладать или сомнительною, или нулевою, или просто отрицательною цѣнностью, так что ему и в голову не прійдет пользоваться подобными абсурдными и комическими правами. Но тѣм не менѣе

каждый гражданин должен сознавать возможность ими воспользоваться в случаѣ надобности или даже хотя бы только простого желанія.

Такова должна быть задача как всего государства, так и его отдѣльных частей, свободных от всяких національных, вѣроисповѣдных и партійных тенденцій и проявляющих абсолютную терпимость по отношенію ко всѣм партіям, вѣроисповѣданіям и національностям. И государство и каждая из его областей должны давать возможность проявляться самым разнообразным культурным стремленіям.

Хотя в началѣ этой статьи я заявил, что пишу только для людей, согласных со мною принципіально и желающих меня понимать, все-таки я не могу здѣсь обойти молчаніем возраженія, дѣлаемаго или принципіальными противниками, или же тѣми, кто согласен в общем с моими выводами, но на извѣстных пунктах не желает сдаться.

Нетолько «истинно русскіе люди», нетолько «патріоты» в кавычках, но и многіе настоящіе, безкорыстные и доброжелательные, патріоты утверждают, что в Россіи должна господствовать національность великорусская, потому дескать, что,—с точки зрѣнія настоящаго,—

великороссов больше в Россіи, чѣм всѣх остальных, и затѣм, — с точки зрѣнія прошлаго, — великороссы создали и объединили русское государство.

На это я позволю себѣ отвѣтить слѣдующее:

Великороссов, правда, больше, чѣм каждаго другого, не великорусскаго, народа в отдѣльности, но остальные, не великорусскіе, народы Россіи, вмѣстѣ взятые, превосходят численностью великорусскій народ. Большинство, правда, незначительное, что-то около 55% против 45% великороссов, но все-таки большинство.

Но оставим эту, для даннаго случая безплодную и ничего не говорящую, ариѳметику. Если великороссов больше, то их права большинства обезпечены в достаточной степени всеобщим голосованіем и объективно совершающимся процентным подбором дѣятелей на всѣх поприщах общественной дѣятельности. Правовых же преимуществ, опредѣляемых единственно стадным превосходством, по числу голов двуногаго скота, я не признаю. Всѣ люди, по своим правам, равны, и всѣ національности, по своим правам, равны.

Что же касается великой заслуги велико-

русскаго племени, состоящей якобы в созданіи и объединеніи россійскаго государства, то это заслуга весьма сомнительнаго свойства. Что же такое создано великорусским племенем, если дѣйствительно оно им создано? Создана громадная тюрьма нетолько для всѣх других племен и народов, но тоже и для самого народа русскаго, тюрьма, которую теперь с такими усиліями и со столькими жертвами приходится ломать и разбивать, и ещо вопрос, удастся ли сломать эту тюрьму так, чтобы вмѣстѣ с нею не лопнула тоже и вся злополучная русская государственность.

Затѣм, в «собираніи» и создаваніи русскаго государства помогали великороссам тоже и другіе «присоединенные» и завоеванные народы. В одном ряду с рабами и холопами великорусскаго происхожденія должны были волей неволей идти тоже рабы и холопы из всяческих «инородцев». В послѣднюю, японскую, войну, затѣянную и веденную тоже для «округленія границ Россійскаго государства» и для «возвеличенія русскаго имени», и поля Манджуріи и Японскія моря покрывались и наполнялись нетолько русскими, но и «инородческими» тѣлами, до еврейских тѣл включительно.

Да и что тут скрывать и лицемѣрить! Неужели от возвеличенія русскаго имени и укрѣпленія русской государственности самому русскому народу была какая-либо польза? По мѣрѣ роста прежней русской государственности сам народ все болѣе и болѣе порабощался, а пользу из этого извлекала только небольшая кучка отцов командиров и эксплоататоров.

Во имя блага народа, как великорусскаго, так и всякаго другого, нам раз навсегда слѣдует покончить с Молохом государственности, в жертву которому приносится счастье и благосостояніе и отдѣльных лиц и цѣлых общественных групп. И тут все равно, воплощается ли идея этого Молоха государственности в нѣчто реально существующее одноголовое, или же в многоголовую фикцію, именуемую в данном случаѣ «русским народом». Мы отрицаем и государственную олигархію, и государственную охлократію, сдаем в архив кошмар вѣроисповѣднаго и національнаго государства, и руководствуемся положеніем, что не народы существуют для государства, а государство для народов.

Мы не допускаем отожествленія государства ни с одною церковью, ни с одною національностью, и требуем, чтобы государство, и в

цѣлом и во всѣх своих частях, было внѣвѣроисповѣдным, внѣнаціональным, одним словом, внѣпартійным. Подкладку государственности в наших глазах составляют одни только чисто реальные интересы, интересы экономическіе и общеполитическіе.

И вот, руководствуясь этими реальными интересами, мы даем предпочтеніе именно русскому языку, как языку взаимнаго общенія между представителями всѣх областей Россіи. К этому рѣшенію нас ведет не «преклоненіе перед геніем русскаго народа» и не признаніе каких то особых преимуществ за русским народом, как за «первым между равными», а нас ведут к этому просто самыя прозаическія и практическія соображенія экономической пользы, соображенія наименьшей траты и времени и умственной энергіи.

---

7. Вред и польза.

Т.-е. вред от неудовлетворенія требованій національной и территоріальной автономіи, польза же от их удовлетворенія.

При этом под «національною автономіей» мы понимаем право на самоопредѣленіе и самоуправленіе каждой добровольно сло-

жившейся общественной, в том числѣ прежде всего національной, группы в предѣлах, не нарушающих прав других таких же самоопредѣляющихся и самоуправляющихся групп и союзов. Территоріальная же автономія есть автономія в тѣсном смыслѣ этого слова.

Французскія централистическія замашки, налагаемые когда-то французскими властями штрафы за употребленіе мѣстных языков, подавленіе всякой провинціальной инициативы, приведеніе этнографическаго и культурнаго разнообразія к одному знаменателю, безпощадная диктатура парижскаго правительства над всѣм многообразным населеніем страны нанесли громадный вред общественной жизни французскаго народа, парализовали его самодѣятельность, и вызвали как раз противоположныя стремленія достигшія ужасающих размѣров во время парижской коммуны 1871 г.

В Италіи проводится государственная и общественная централизація с неумолимою послѣдовательностью, уничтожаются всѣ слѣды мѣстнаго политическаго разнообразія, преслѣдуются мѣстные языки, налагаются, например во Флоренціи городскою думой, штрафы на владѣльцев гостинниц за употребленіе на вывѣсках других языков кромѣ итальянскаго

и т. д. Результатом этого являются все усиливающіяся центробѣжныя стремленія, кровавым доказательством которых было, между прочим, миланское возстаніе в 1898 г.

Нѣмецкія, точнѣе, прусскія неистовства и жестокости в Даніи, в Эльзасѣ, в польских частях Познани, Силезіи, Западной Пруссіи и т. д. создают кошмарные вопросы, потребляющіе понапрасну громадное количество государственной и общественной энергіи и никак не идущіе в прок этому, хотя и цивилизованному, но вмѣстѣ с тѣм варварскому государству.

В Венгріи попираніе прав немадьярских національностей доходит до чудовищных размѣров, а это ведет к одичанію как гонителей, так и гонимых, и ослабляет прочность государственнаго единенія.

В Австріи взаимная междунаціональная ненависть выливается в отвратительныя формы и отравляет общественную жизнь всѣх національностей.

В Россіи, рядом со слащавым и лицемѣрным лозунгом «славянофильства», практиковались и все еще практикуются позорныя и возмутительныя гоненія всѣх и каждаго. В семидесятых годах устраивались набѣги и ка-

рательныя экспедиціи на уніатов за их приверженность к унаслѣдованной от предков вѣрѣ. Снаряжались походы против католиков. Довольно вспомнить Оржевско-Клингенберговскую кровавую баню и насилія в Крожах. «Строго воспрещалось» говорить по-польски. Употребленіе литовскаго алфавита считалось государственным преступленіем. Не допускалось Священное писаніе на языках украинском (малороссійском) и бѣлорусском. Уничтожались проявленія магометанской культуры в среднеазіатских владѣніях. Всѣ кавказскіе народы обрекались на безпощадное гоненіе и окончательную руссификацію. Самым безшабашным образом водворялась безграмотность в Прибалтійском краѣ, среди латышей и эстонцев. Лелѣялось «патріотами» культурное разореніе и разрушеніе Финляндіи. Евреи были окончательно объявлены «внѣ закона», а издѣвательства над ними считались и считаются «патріотическим» подвигом. Погромная мартирологія говорит сама за себя. Истреблялись безпощадно попытки всякой территоріальной самостоятельности.

И каковы же плоды всего этого?

Прежде всего всеобщее презрѣніе и ненависть к государству, доставляющему подоб-

ныя наслажденія. Гоненіе національностей повело к противоположным результатам: оно нетолько укрѣпило эти національности, но вмѣстѣ с тѣм насадило между ними отвратительную болѣзнь шовинизма и наступательнаго и задорнаго «патріотизма». Усиленію чувства національной обособленности между Украинцами (Малороссами) и даже между Бѣлоруссами способствовало прежде всего гоненіе их языков и письменностей. Вездѣ проявляются разъединительныя, центробѣжныя стремленія, и много воды утечот, прежде чѣм улягутся страсти и в негодующія массы проникнет сознаніе общности государственных интересов.

В Польшѣ, слѣдуя ли примѣру «истинно русских людей», или же по собственному почину, «истинно-польскіе люди» не проч бы подвергнуть ограниченіям и гоненіям евреев, литовцев, русских, нѣмцев и т. д. и таким образом возстановить против Польши ея пасынков и отверженных.

Произвольное ограниченіе и гоненіе порождает всегда ненависть и другія враждебныя чувства по отношенію к ограничивающему и преслѣдующему государственному или же областному цѣлому.

Во избѣжаніе подобных разрушительных и враждебных чувств мы предлагаем совершенно другой метод устройства междунаціональных и вообще междугрупповых отношеній.

Мы признаем общегосударственную и общеобластную обязательность в сферѣ одних только земных, реальных интересов, по части же національных, вѣроисповѣдных и прочих культурных стремленій предоставляем каждому полную свободу выбора.

Польза от этого явная и очевидная.

Снимаются с очереди вѣроисповѣдные и національные вопросы и очищается путь для удовлетворительнаго рѣшенія вопросов общеполитических и экономических.

Настоящіе автономисты и федералисты желают содѣйствовать сбереженію государственной и общественной энергіи, разстрачиваемой на денаціонализацію, на насильственную вѣроисповѣдную пропаганду и прочія т. п. зловредныя и позорныя предпріятія, дабы всецѣло направить эту энергію в сторону рѣшенія вопросов общеполитических и экономических.

Сдѣлав, посредством соотвѣтственных за-

коноположенiй, невозможными всякiя поползновенiя на насильственное преобладанiе какой-либо нацiональности над остальными, какого-либо класса над остальными, какой либо мѣстности над остальными, мы вмѣстѣ с тѣм упрочиваем мирное сожительство нацiональностей и прочих культурных групп как во всем государствѣ, так и в каждой его самоуправляющейся части, мирное сожительство, столь необходимое для процвѣтанiя внутри и для авторитета в международных сношенiях.

Без навязыванiя общеобязательнаго государственнаго языка мы упрочиваем общегосударственное единство.

При полной свободѣ совѣсти и убѣжденiй, равно как и всевозможных общественных группировок, государству не грозит опасность распаденiя и разъединенiя. Напротив того, в видах общей пользы и по экономическим соображенiям, многiе поступятся своими мелкими отличiями и мѣстными преимуществами и предпочтут им объединенiе.

Упомянутыя мною мелкiя отличiя могут быть или качественнаго, или же количественнаго свойства. Так напримѣр, в области языка качественность сводится к различiям говоров,

количественность же к числу носителей даннаго языка.

При большом сходствѣ бѣлорусских говоров с великорусскими едва-ли бѣлорусам прійдет в голову сочинять особый бѣлорусскій язык для нужд науки и литературы.

При полной внѣнаціональности как всего государства, так и его автономных областей, понадобились бы собственно, во избѣжаніе недоразумѣній, новыя названія, свободныя от національнаго запаха. Но не в названіи дѣло. Можно пользоваться и традиціонными названіями, лишь бы знать, что они берутся в значеніи исключительно территоріальном, а не національном. Впрочем, оставляя слово «Русь» и «русскій» для обозначенія как этнографических предѣлов русскаго народа, так и русской національности, мы могли бы в смыслѣ общегосударственном и территоріальном пользоваться терминами «Россія», «россійскій» *). Что же касается «Польши»

*) Так напримѣр, слѣдовало бы говорить «русскій языкъ», «русская литература», но «россійское государство», «россійское хозяйство», «россійскіе пути сообщенія», «россійская армія», «россійское законодательство», «россійскіе налоги и подати» и т. д. Подобное различеніе неизбѣжно в таких государствах, как Австрія, Швейцарія, Бельгія, Соединенные Штаты Сѣверной Америки, Бразилія и т. п. Было бы смѣшно говорить

и «поляков», то тут прійдется пока довольствоваться одним этим термином, но при этом необходимо каждый раз строго различать, в каком смыслѣ мы употребляем эти слова: в смыслѣ ли этнографическом и національном, или же в смыслѣ исключительно территоріальном.

Если вся Россія и ея отдѣльныя автономныя части обезпечат всѣм полную культурную свободу и будут стоять на стражѣ неприкосновенности національных прав и прав человѣческой личности, то без всяких внушеній и принужденій разовьется привязанность к подобному государственному цѣлому, разовьется и укрѣпится общеобластная и

об «австрійском», «швейцарском», «бельгійском», «сѣверно-американском», «бразильском» и т. д. «языкѣ» или же об «австрійской» и т. д. «литературѣ», но выраженія «австрійская» и т. д. «армія», «австрійское» и т. д. «правительство», «австрійское» и т. д «законодательство» вполнѣ умѣстны и необходимы. Нѣт «швейцарской», «австрійской», «бельгійской» національности, но за то есть «швейцарская», «австрійская», «бельгійская» и т. д. территоріальность. Если можно говорить о «русской арміи», «нѣмецкой арміи» и т. д. в смыслѣ національном, тогда позволительно говорить об арміи в смыслѣ вѣроисповѣдном: «армія православная», «армія католическая» и т. д., в родѣ «мусульманской арміи», хотя даже и эта послѣдняя никогда не была единой. Говорить об «иностранных словах в русском языкѣ» значит смѣшивать понятія, смѣшивать территоріальность с національностью.

Прим. в 1913 г.

общегосударственная солидарность, а подобное чувство гораздо прочнѣе и серьезнѣе пережиточнаго патріотизма или любви к отечеству в древнем стилѣ.

Нельзя не упомянуть еще одной пользы от подобнаго рѣшенія національнаго вопроса. Эта польза проявится на международной, точнѣе, на междугосударственной аренѣ. Люди одноязычные и одноплеменные, входящіе в состав разных государств, будут служить не яблоком раздора между этими государствами, а, как раз на оборот, объединительным звеном между ними. Так например, литовцы в Россіи и в Пруссіи могли бы служить залогом мирнаго сожительства между Россіей и Германіей, поляки в Россіи, в Пруссіи и в Австріи—залогом мира между этими тремя государствами, славяне и итальянцы в Италіи и в Австріи — объединяющим звеном между Италіей и Австріей, армяне в Россіи, в Турціи и в Персіи—залогом мира между этими тремя государствами, евреи, разсѣянные почти во всѣх государствах, залогом всеобщаго мира.

Наша постановка національнаго вопроса содѣйствует мирным, антимилитарным стремленіям.

Если бы народам Россіи удалось рѣшить

вопрос автономіи в удовлетворительном смыслѣ, тогда такой результат льстил бы и національному и государственному самолюбію; тогда можно бы гордиться принадлежностью к подобному національному или же государственному цѣлому. Пока же не приходится гордиться принадлежностью к государству попиранія національных и человѣческих прав, к государству школьных процентов, черты осѣдлости и облав на «безправных».

8. Конкретные вопросы. Еврейскій вопрос. Сіонизм. „Жаргон".

Нѣкоторых конкретных вопросов и задач я коснулся раньше. Теперь же я остановлюсь только на двух вопросах: на «еврейском вопросѣ», в связи с «сіонизмом» и «жаргоном», и на примѣненіи принципа автономіи, так как я ее понимаю, к школьному дѣлу.

Многіе задаются схоластическими разсужденіями о том, считать ли евреев особою національностью, или же нѣт. Кто согласен с изложенными мною выше соображеніями, для того подобный вопрос не существует. Разсматриваемые объективно, с антропологической, лингвистической, фольклористи-

ческой и т. п. точки зрѣнія, евреи могут быть причисляемы то к той, то к другой породѣ или же разновидности вида животных, называемаго в наукѣ homo sapiens (причом, очевидно, всѣх евреев никак нельзя сваливать на одну антропологическую кучу), то к тому, то к другому лингвистически опредѣляемому племени и т. д. Но когда дѣло доходит до національности, должно быть предоставлено каждому отдѣльному еврею рѣшать, к какой національности он себя причисляет: или к особой еврейской, или к какой-либо не еврейской, или же к еврейской и не-еврейской вмѣстѣ, и т. д.

За то не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію, что евреи в варварских странах, в том числѣ и в Россіи, подвергаются жестоким гоненіям, и эти гоненія по неволѣ сплачивают их в одно обособленное человѣческое стадо. Если бы мы вдруг начали преслѣдовать всѣх блондинов за то только, что они блондины, то, по всей вѣроятности, эти блондины объединились бы въ особую группу, стали бы во враждебное отношеніе к окружающей средѣ и даже, может быть, начали бы требовать выдѣленія их в особое безпочвенное и витающее в воздухѣ блондинное царство.

У всѣх гонимых за происхожденіе развивается гиперэстезія національнаго, вѣроисповѣднаго и вообще группового чувства. У евреев же эта гиперэстезія проявляется в *n*-ой степени.

Неизсякаемым источником національной и вѣроисповѣдной гиперэстезіи современных нам евреев являются, с одной стороны, их религіозное и племенное обособленіе, свойственное им с древнѣйших времен, с другой же стороны, изысканныя гоненія и издѣвательства, придумываемыя для них власть имущими «христіанами» и «любителями ближняго».

Ещо не так давно знаменитый петербургскій градоначальник Грессер изобрѣл для евреев особую мѣру издѣвательства. Он велѣл всѣм торгующим евреям выписывать на вывѣсках нетолько их фамиліи, но тоже полностью, en toutes lettres, их еврейскія имена и отчества. «Христіанскіе» купцы были свободны от этого своеобразнаго почота in minus, в отрицательную сторону, от этой отрицательной автономизаціи в сіонистском стилѣ, от этого своеобразнаго privilegium odiosum. С помощью подобнаго средства, продолжаемаго усердно тоже преемниками Грессера, го-

сподами фон Валем и Клейгельсом, во первых, выражалось евреям в должной мѣрѣ презрѣніе и циничное надругательство, затѣм, в случаѣ чего давались ясныя и опредѣленныя указанія для погромщиков, и наконец предоставлялась полиции возможность брать взятки при обходѣ «закона».

Рядом с этим остроумным изобрѣтеніем «истинно-русскаго» градоначальника, г-на Грессера, обрисовываются и даже оставляют его в тѣни другія издѣвательства над евреями: позорящая Россію черта «еврейской осѣдлости», позорящіе Россію школьные проценты, нетолько для евреев, но прежде всего и дольше всего для евреев,—одним словом, безпощадная и неутомимая травля на всѣх пунктах.

А затѣм цѣлая серія погромов, устраиваемых «патріотами своего отечества», начиная с «истинно-русскаго» государственнаго мужа, г. фон Плеве, и кончая «истинно-русским» полководцем, г. Тихановским, сдѣлавшим «истинно-русское» открытіе, что «штык выше тряпки».

Испытывая такія «истинно-христіанскія» угощенья, можно, право, с ума сойти и стать невмѣняемым. И тут становится нам понятной гиперэстезія еврейскаго національнаго чувства.

Даже выдающіеся, первоклассные умы среди евреев страдают на этом пунктѣ смѣшеніем понятій и извѣстнаго рода вырожденіем в области пониманія как національнаго, так и территоріальнаго элемента в автономіи.

Переходя в разряд «сіонистов» и мечтая о несбыточном, они пока требуют для Россіи особаго общееврейскаго сейма или парламента с законодательными функціями. Этот сейм должен имѣть право издавать особые законы, одинаково обязательные для всѣх евреев, в отличіе от остальных граждан Россійскаго государства. Евреи должны имѣть право содержать свою особую полицію, обязательную для одних евреев. Должны быть заведены особые суды для евреев: суды уголовные для преступленій, совершаемых евреями; суды гражданскіе для евреев, тяжущихся между собою. Хотя во всем государствѣ будет отмѣнена смертная казнь, евреи у себя могут с этим не считаться и, согласно своим спеціальным еврейским законам, продолжать приговаривать людей из евреев к смертной казни (может-быть, посредством каменованія, согласно ветхозавѣтным преданіям). Ни один еврей, будь он по вѣроисповѣданію еврей, христіанин или безвѣроисповѣдный (konfessionslos),—раз

ему докажут «еврейское происхожденіе»,—не имѣет права уклоняться от участія в этом «еврейском государствѣ» и от отвѣтственности перед еврейским судом.

Вот каковы политическіе идеалы ярых сіонистов, мечтающих об еврейской національной автономіи. Они хотят создать государство без почвы под ногами, государство, витающее в воздухѣ, государство странствующее, кочевое, что то в родѣ цыганской «національной автономіи».

Само собою разумѣется, что, с современной точки зрѣнія, такая форма автономіи никак не может быть признана культурною. В наше время мы не можем допускать обязательной автономіи без опредѣленной почвы, без опредѣленных границ, без территоріи. Сіонистическое же воздушное внѣтерриторіальное государство есть пережиток средневѣковья, подогрѣваемый и разжигаемый жестокими гоненіями. И принудительная обособленность, и обязательство для всѣх евреев подчиняться велѣніям своих «автономных» властей—все это было возможно в средніе вѣка, но теперь никоим образом не может быть терпимо.

От средних же вѣков мы унаслѣдовали экстерриторіальныя автономіи различных церк-

вей, с особою политическою организацией, с особыми законами, с особыми судами, с особою полицией и цензурой. Но мы знаем, что это есть пережиток средних вѣков, мы знаем, что этот кошмар, унаслѣдованный от варварскаго прошлаго, держится все еще благодаря силѣ косности и рабским чувствам опекаемых, и мы стремимся к тому, чтобы низвести церковную организацію на подобающій ей уровень свободнаго союза лиц, мнящих себя одинаково вѣрующими. Таким же точно союзом может быть и общееврейская организація. От посягательств на личную свободу граждан мы должны ее удержать.

«Сіонизм» объясняется в значительной мѣрѣ мечтательностью и безпочвенностью, свойственными с незапамятных времен многим еврейским мыслителям. Сюда же относится и еврейскій мессіанизм, разсчитанный на безконечную даль и напоминающій гиперболу, все приближающуюся к асимптотам, но сходящуюся с ними только на безконечном разстояніи, т. е. никогда.

Сіонизм психологически понятен, но практически вреден и недопустим. Он вреден именно самим евреям. Сіонисты хотят создать и для самих себя и для всего еврейскаго на-

рода крайне опасное privilegium odiosum, являющееся, с одной стороны, постоянною угрозой по отношенію к другим согражданам той же территоріи, с другой же стороны, постоянным вызовом и провокаціей «погромщиков» и разных других темных сил из «патріотическаго» и «христіанскаго» лагеря.

В связи с «еврейским вопросом» и «сіонизмом» остается сказать еще нѣсколько слов о еврейском «жаргонѣ».

С научной точки зрѣнія, так называемый «жаргон» ничѣм не отличается от любого другого языка. Ему свойственны такія же звуковыя, формальныя, семасіологическія и др. особенности, как и всѣм прочим языкам земного шара. Право на употребленіе в литературѣ, в школѣ, в администраціи и т. д. он имѣет ровно такое же, как и всѣ прочіе языки. Надо только, чтобы нашлись люди, желающіе его примѣнять для подобных цѣлей. Такіе люди уже находятся. «Жаргон» является органом не только домашняго обихода многочисленных семейств, но тоже своеобразной литературы и печати, театральнаго искусства, школьнаго обученія, агитаціонных политических собраній и т. д.

«Противники» «жаргона» утверждют, что,

если только отнять у него еврейскія буквы, он превратится в нѣмецкій язык. Не знаю. Я, по крайней мѣрѣ, нетолько понимаю, но и говорю и пишу по нѣмецки, а все таки не в состояніи понимать говорящих на еврейском «жаргонѣ» и не в состояніи вполнѣ понимать написанное на нем нѣмецкими (т. е. латинскими) буквами.

Я ни противник, ни сторонник «жаргона»; я только стою за полную національную свободу и самоопредѣляемость каждаго гражданина. Предоставьте самим отдѣльным евреям рѣшать, признают-ли они так называемый «жаргон» своим національным языком, или же нѣт. Раз окажется извѣстное количество людей, группирующихся около «жаргона», как около связывающаго их языка, этому языку должны быть предоставлены всѣ тѣ права, какими пользуется любой другой язык.

Подобные вопросы рѣшаются не приказом правительственнаго или же національнаго начальства, а самоопредѣленіем сознательных людей.

9. Конкретные вопросы. Школьное дѣло.

С современной точки зрѣнія, и государство, и область, и община должны быть внѣпартійными, внѣвѣроисповѣдными, внѣнаціональными. Но при всей внѣнаціональности надо остановиться на том или другом языкѣ, ибо без языка невозможно преподаваніе и веденіе школьнаго дѣла вообще.

И вот язык каждой школы опредѣляется согласно волѣ большинства населенія данной самоуправляющейся единицы, с обезпеченіем, однакож, всѣх прав меньшинства. Если меньшинство потребует непремѣнно школы с другим преподавательским языком, это его требованіе должно быть удовлетворено, и даже с ассигнованіем сумм из общиннаго, областного или же государственнаго казначейства в размѣрѣ, соотвѣтствуещем гражданским правам и платежной силѣ этого меньшинства (как это было мною изложено выше, в главѣ 6, стр. 48, 52—54).

По педагогическим и общегражданским соображеніям, в каждой школѣ должен быть обязательным, как предмет изученія, только один язык, язык преподаванія. Но необ-

ходимо предоставить всѣм ученикам возможность усваивать себѣ тоже другіе языки, каковы:

язык, самый распространенный в государствѣ,

язык, самый распространенный в данной автономной области,

языки иноязычных сограждан данной самоуправляющейся единицы,

языки распространенные и получившіе всемірное значеніе (в родѣ нѣмецкаго, французскаго, англійскаго, эсперанто и т. п.),

т. наз. «классическіе» языки, латинскій и греческій.

Кромѣ общих школ строго-территоріальнаго характера, без всяких вѣроисповѣдных или партійных тенденцій, предоставляется каждой вѣроисповѣдной, національной и всякой другой культурной группѣ право, учреждать на свой страх свои собственныя училища, но без всяких притязаній на матеріальную поддержку со стороны казны.

Преподавательскій язык или же преподавательскіе языки университетов и других высших школ опредѣляются приблизительно также, как преподавательскіе языки всѣх вообще школ. При этом, конечно, придется считаться

всегда с наличными преподавательскими силами.

Само собою разумѣется, что приватдоценты без вознагражденія имѣют право читать на каком угодно языкѣ.

Если, например, зайдет рѣч об основаніи университета в Вильнѣ, то спрашивается, на каком языкѣ должно в нем идти преподаваніе. Навряд-ли можно будет ограничиться исключительно одним преподавательским языком. Во всяком случаѣ, при практической постановкѣ вопроса, первенствующее мѣсто будет, по всей вѣроятности, предоставлено русскому языку. Не надо вѣдь забывать, что Виленскій университет явится в значительной степени университетом для бѣлорусов, то-есть для людей, ближайшим литературным языком которых может быть только русскій язык. Затѣм, литовцы смежных с Вильной территорій имѣют неотъемлемое право требовать хотя бы нѣскольких каѳедр с литовским преподавательским языком; должны только позаботиться о подысканіи владѣющих этим языком преподавателей. Наконец, нельзя забывать о культурном значеніи в этом краѣ польскаго элемента, стало-быть, о введеніи в Виленскій университет преподаванія тоже на польском

языкѣ. Раньше, когда почти единственным культурным элементом Сѣверо-западнаго края были польскіе помѣщики и польскіе интеллигентные мѣщане, а литовское и бѣлорусское населеніе являлось только этнографическим матеріалом, мог существовать в Вильнѣ исключительно польскій университет. Теперь подобный университет немыслим, хотя бы в виду демократизаціи общества и уравненія в правах потомков бывших крѣпостных с потомками бывших рабовладѣльцев.

При этом я оставил в сторонѣ евреев. Как они посмотрят на Виленскій университет и предъявят-ли они к нему свои національныя права, это особый вопрос и я его не касаюсь.

10. Осуществимое в ближайшем будущем.

Все выше изложенное вращалось в сферѣ идеалов и касалось принципіальной, теоретической постановки вопроса. Это была, так сказать, автономисто-федералистская программа максимум. Теперь спрашивается:

Какіе пункты, какія подробности этой программы могут разсчитывать на осуществленіе

в ближайшем будущем, если вообще в Россіи будет что-либо осуществляться?

Иными словами:

Какую мы можем начертать программу минимум?

Итак, одною из конкретных задач ближайших сессій законодательнаго учрежденія должно быть укрощеніе расходившихся сатрапов и замѣна их самодержавія широким самоуправленіем отдѣльных округов и областей.

Рядом с этим должно идти упраздненіе всяких привилегій и ограниченій, связанных с происхожденіем даннаго лица, провозглашеніе полнаго равноправія всѣх без исключенія граждан и гражданок, и установленіе принципа абсолютнаго самоопредѣленія в культурной области.

Затѣм, должно быть признано обязательным положеніе, что государство и в цѣлом и в отдѣльных частях должно имѣть в виду одни только земные, экономическіе и обще-политическіе, интересы, и что, стало-быть, оно должно быть внѣвѣроисповѣдным (внѣконфессіональным) и внѣнаціональным.

Только по проведеніи в Государственной Думѣ законодательным порядком этих общеобязательных начал можно будет при-

ступить к установленію автономій отдѣльныхъ областей, прежде всего автономіи Царства Польскаго.

При этомъ никакъ не допустимо рѣшеніе вопроса объ автономіи Царства Польскаго по образцу австро-венгерскаго дуализма. Царство «Польское» отдается, дескать, на съѣденіе національнымъ полякамъ, а остальная Россія предоставляется на съѣденіе національнымъ русскимъ. На такихъ условіяхъ, можетъ быть, сошлись бы, наконецъ, и согласились бы «истинно-русскіе люди» съ «истинно-польскими людьми». Мы однакожъ никакъ не можемъ этого допустить, нетолько потому что такое рѣшеніе несправедливо и безнравственно, но тоже потому, что оно было бы гибельно и для Польши и для всей Россіи.

Съ нашей точки зрѣнія, при рѣшеніи вопроса объ автономіи Царства Польскаго договариваются не представители польскаго народа съ представителями народа русскаго, а только представители внѣнаціональнаго, территоріальнаго Царства Польскаго съ представителями внѣнаціональной, территоріальной остальной Россіи.

* * *

Как рѣшатся тѣ и тѣм подобные вопросы, как рѣшатся многіе другіе роковые для Россіи вопросы, покрыто мраком неизвѣстности.

По моему мнѣнію и по мнѣнію моих единомышленников, Россія должна идти в направленіи, с одной стороны, к полному уравненію в правах нетолько всѣх без исключенія граждан, но тоже всѣх без исключенія вѣроисповѣданій, національностей и прочих культурных групп и союзов, с другой же стороны, к децентрализаціи, к территоріальной автономіи отдѣльных областей и, в концѣ концов, к федерализаціи. Иначе ей грозит разложеніе и окончательная гибель.

Конечно, мы можем ошибаться, и никакой гибели не будет. Тѣм лучше.

Что же касается возможной гибели Россіи, то я позволю себѣ замѣтить ещо одно.

Гибель государства, в котором беззаконіе и неумолимая жестокость совершают побѣдное торжественное шествіе по всей странѣ, государства, в котором хроническія и возведенныя в правило нарушенія этических заповѣдей и просто преступленія нетолько не осуждаются и не презираются, но, напротив того, превозносятся как подвиги и щедро награж-

даются, гибель такого государства ни в ком не вызовет сожалѣнія.

Если мы однакож стараемся всѣми силами противодѣйствовать этой гибели, то только потому, что ужасаемся многих жертв, которыя по необходимости повлечот за собою гибель подобнаго государственнаго чудовища, да кромѣ того руководствуемся чисто эгоистическими побужденіями, ибо думаем, что вмѣстѣ с Россіей погибнут тоже многіе близкіе нам люди и много культурных цѣнностей и сокровищ.

O zjeździe slawistów i o panslawizmie «platonicznym». Kraków. 1903.—15 коп.

Kaprysy tłumicieli myśli ludzkiej. Kraków. 1903 (odb. z «Krytyki»).—10 коп.

Uwagi na czasie i nie na czasie. Kraków. 1902 (odb. z «Krytyki»).—15 коп.

Myśli nieoportunistyczne. Kraków. 1898.—20 коп.

Цензурныя мелочи. I. Князь Бисмарк и гоненіе «Славян». Краков. 1898.—40 коп.

Jeden z objawów moralności oportunistyczno-prawomyślnej. Kraków. 1898.—20 коп.

Z powodu jubileuszu profesora Duchińskiego. Kraków. 1886.—10 коп.

Украинскій вопрос с внѣнаціональной точки зрѣнія. Москва. 1913 (отд. отт. из «Украинской Жизни»).—15 коп.

«Bracia Słowianie». Kraków. 1913 (odb. z. «Krytyki»).—15 коп.

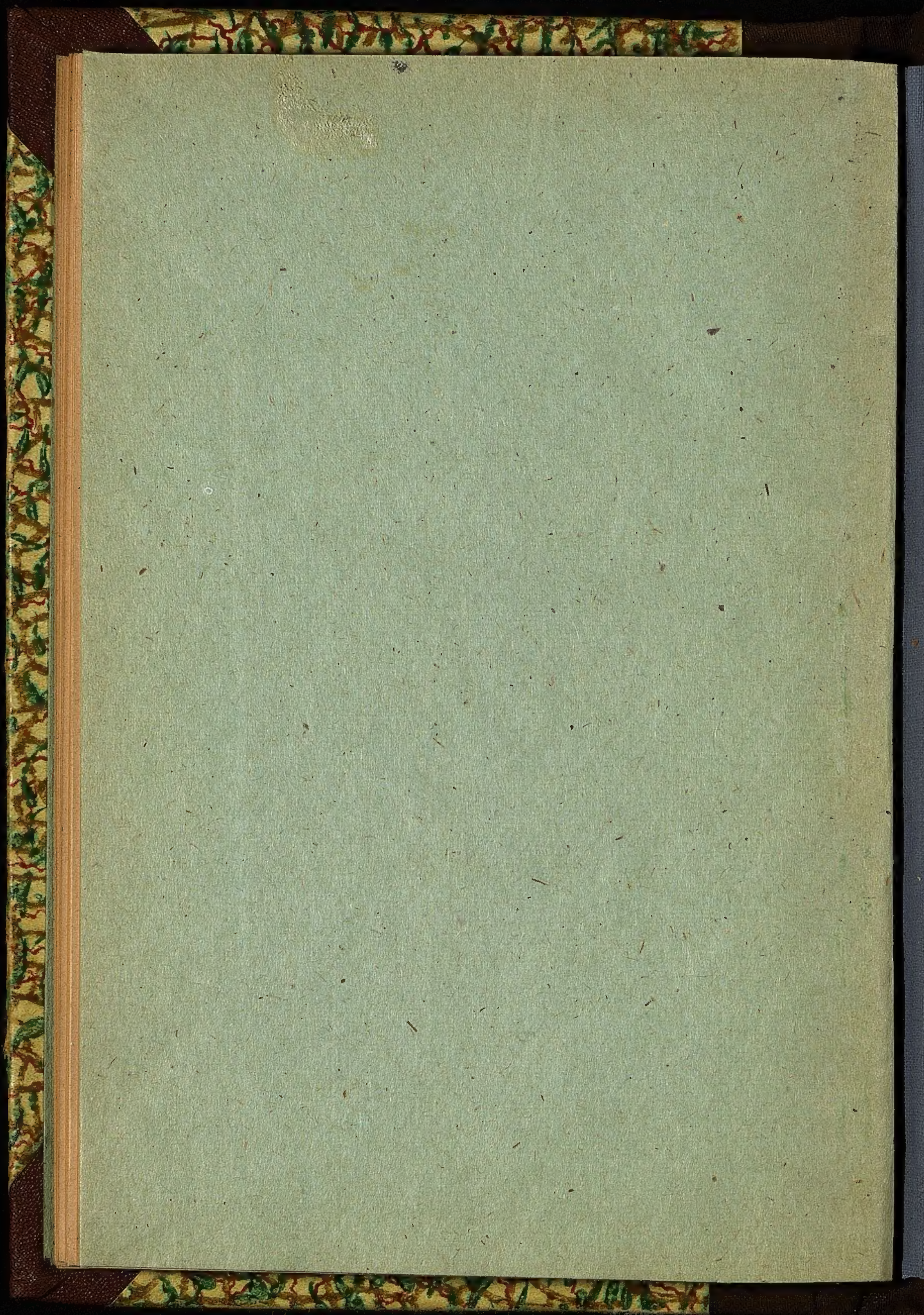
Об отношеніи русскаго письма к русскому языку. Изд. журнала «Обновленіе школы». С.-Петербург. 1912.—70 коп.

Сборник задач по «введенію в языковѣдѣніе», по преимуществу примѣнительно к русскому языку. С.-Петербург. 1912. (Изд. «Издательскаго Комитета» студентов Ист.-филол. фак. С.-Петерб. Унив.).—1 рубль.

Польскій язык сравнительно с русским и древне-церковно-славянским. С.-Петербург. 1912.—1 р. 20 к.

5—

Цѣна 40 коп.

КОПИРОВАНИЕ

